

Глава VIII. Воображаемые города

О первых городских жителях Евразии — в Месопотамии, долине Инда, Украине и Китае — и о том, как они создали города без правителей

Города начинаются с воображения.

По крайней мере, так считал Элиас Канетти — писатель и социальный философ, которого часто сбрасывают со счетов и воспринимают как одного из тех своеобразных центральноевропейских интеллектуалов середины XX века, идеям которых сложно найти применение в наше время. Канетти считал, что охотники-собиратели, которые жили небольшими группами, неизбежно задумывались о том, как могли бы выглядеть более крупные сообщества. Доказательства, считал он, можно найти на стенах пещер, на которых они очень точно изображали стадных животных, перемещавшихся бесчисленными массами. Неужели они не представляли себе, как (ужасающе великолепно) могли бы выглядеть огромные стада людей? Несомненно, они также размышляли о мертвых, значительно превосходивших по численности живых. Что, если бы все мертвые собрались в одном месте? Как бы это выглядело? В каком-то смысле эти «невидимые массы», предположил Канетти, стали первыми городами в истории человечества, даже несмотря на то, что они существовали только в воображении.

Может показаться, что всё это досужие домыслы (точнее, домыслы о домыслах), но современные исследования когнитивных способностей человека свидетельствуют о том, что Канетти нащупал очень важный аспект, на который прежде почти никто не обращал внимания. Очень крупные социальные единицы в каком-то смысле всегда являются

воображаемыми. Или сформулируем немного иначе: существует фундаментальное различие между тем, как люди связаны с друзьями, родными, соседями, другими людьми и местами, которые они знают непосредственно, и тем, как они связаны с нациями, империями и метрополиями — феноменами, которые по большей части (или, по крайней мере, большую часть времени) существуют исключительно в головах людей. Можно сказать, что социальная теория в значительной степени представляет собой попытку совместить эти два измерения человеческого опыта.

* * *

Согласно стандартной версии истории человечества, которая излагается в учебниках, решающее значение имеет масштаб. Небольшие группы охотников-собирателей, в которых, как утверждается, люди провели большую часть своей эволюционной истории, могли быть относительно демократическими и эгалитарными именно благодаря тому, что они были маленькими. Часто предполагается — и утверждается как нечто самоочевидное, — что наши социальные способности и даже умение запоминать имена и лица во многом связаны с тем, что девяносто пять процентов своей истории наш вид провел в небольших группах, состоявших максимум из нескольких десятков человек. Мы созданы для работы в небольших командах. В результате крупные скопления людей воспринимаются как нечто по определению неестественное, представляется, что человеческая психика плохо приспособлена к жизни в таких условиях. По этой причине делается вывод: для успешного функционирования крупных сообществ и нужны такие сложные «строительные леса», как городское планирование, социальные службы, налоговая и полиция[412].

Если это так, то логично, что появление городов — в которых впервые в истории наблюдалась по-настоящему высокая концентрация оседлого населения, живущего в одном месте, — должно было совпасть с возникновением государств. На протяжении долгого времени археологические находки в Египте, Месопотамии, Китае, Центральной Америке и других частях света, казалось, подтверждали это предположение. Складывалось впечатление, что если поместить в одном месте достаточно большое число людей, то они почти наверняка придумают письменность или что-то в этом роде, а кроме того, у них появятся управленцы, помещения для хранения и перераспределения ресурсов, мастерские и надзиратели. Вскоре после этого люди начнут делиться на социальные классы. «Цивилизация» — это сборный комплект. Она приносит страдания и несчастья для одних людей (поскольку кому-то неизбежно придется стать крепостными или рабами), но одновременно с тем делает возможной философию, искусство и накопление научного знания.

Современные данные больше не подтверждают эту картину. Более того, значительная часть данных, полученных в последние сорок-пятьдесят лет, опровергает наши привычные представления о цивилизации. Теперь нам известно, что в некоторых регионах существовали города, на протяжении столетий управлявшиеся без каких-либо храмов и дворцов — они возникли позже; в других регионах храмы и дворцы и вовсе не появились. Во многих древних городах мы попросту не видим никаких свидетельств того, что в них существовал класс администраторов или другая правящая верхушка. В некоторых городах централизованная власть появлялась, а затем исчезала. Судя по всему, сама по себе

городская жизнь не предполагает и никогда не предполагала какой-то конкретной формы политического устройства.

Из этой новой картины вытекает множество важных следствий. Прежде всего, нам следует быть гораздо менее пессимистичными в оценке человеческих возможностей. Сам факт того, что сейчас большая часть населения Земли живет в городах, может не определять то, как именно мы живем, во всяком случае, не до такой степени, как можно было бы предположить. Но прежде чем обратиться к этому вопросу, мы должны спросить: как вообще получилось, что мы так сильно ошибались?

Раздел, в котором мы обращаемся к пресловутой проблеме «масштаба»

«Здравый смысл» — это очень странное выражение. Иногда оно означает ровно то, что должно означать: практическое знание, почерпнутое из повседневного опыта, которое помогает избежать глупых и очевидных ошибок. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что мультяшному злодею, который поместил кнопку с надписью «самоуничтожение» на машину Судного дня или оставил без охраны вентиляционные ходы в свою секретную штаб-квартиру, недостает здравого смысла{69}. С другой стороны, иногда оказывается, что то, что казалось нам само собой разумеющимся, на самом деле им не является.

Долгое время почти общепринятым было мнение о том, что из женщин получаются плохие солдаты: ведь женщины обычно меньше и физически слабее мужчин. А потом армии некоторых стран мира решили провести эксперимент и выяснили, что женщины обычно стреляют лучше мужчин. Аналогичным образом почти все уверены в том, что членам небольшой группы относительно легко поддерживать равноправие и принимать решения демократическим путем, но по мере увеличения размеров группы делать это становится всё труднее. Если задуматься, то это не так уж очевидно — например, ясно, что это правило не распространяется на долго существующие группы. С течением времени у любой группы близких друзей, не говоря уже о семье, появится своя сложная история взаимоотношений, и ее члены будут с трудом достигать согласия почти по любому поводу. При этом чем больше группа, тем меньше вероятность того, что вы испытываете неприязнь к значительному числу людей в ней. Но по целому ряду причин проблема масштаба стала общепринятым здравым смыслом как для ученых, так и для большинства других людей.

Поскольку обычно считается, что эта проблема — результат эволюции, стоит на некоторое время обратиться к первоисточнику и поговорить о том, как обычно подходят к этому вопросу эволюционные психологи — такие как Робин Данбар. Большинство из них начинают рассуждение с замечания о том, что социальная организация охотников-собирателей — как древних, так и современных — действует на различных уровнях или ярусах, которые «вкладываются» один в другой на манер матрешек. Самая основная социальная единица — это семья из двух человек, совместно инвестирующих в потомство. Для того чтобы

обеспечивать себя и своих подопечных, такие нуклеарные единицы должны (по крайней мере, так утверждается в этом рассуждении) объединяться в «группы», состоящие из пяти или шести родственных семей. Во время проведения ритуалов и в тех случаях, когда дичи особенно много, такие стаи объединяются в «жилые группы» (или «кланы») численностью около ста пятидесяти человек. Согласно Данбару, именно таково максимальное число постоянных, доверительных отношений, которые мы в состоянии поддерживать с другими людьми. И это, утверждает он, не случайно. Численность групп — например, «племен» — может превышать сто пятьдесят человек (этот показатель стал известен как «число Данбара»), но Данбар считает, что таким более крупным группам будет не хватать солидарности, характерной для более мелких групп, основанных на родственных связях. А значит, конфликты в них неизбежны[413].

Данбар полагает, что такое «матрешечное» устройство было одним из факторов, сформировавших когнитивные способности человека в глубокой эволюционной древности. Поэтому и по сей день различные группы, требующие высокого уровня социальной вовлеченности — от армейских бригад до церковных общин, — обычно насчитывают около ста пятидесяти человек. Это увлекательная гипотеза. Эволюционные психологи исходят из того, что образ жизни современных нам охотников-собирателей демонстрирует этот предположительно древний способ масштабирования социальных связей от базовых семейных единиц, к группам и затем к жилым группам, и при этом каждая более крупная группа воспроизводит то же чувство преданности, что люди испытывают к своим кровным родственникам, только в более крупном масштабе. Так и появляются «братья» — или даже «сестры» — по оружию. Но тут и кроется подвох.

Против эволюционных моделей, предполагающих, что самые сильные социальные связи основаны на близком биологическом родстве, можно выдвинуть одно очевидное возражение: многие люди не особо любят своих родственников. Судя по всему, это справедливо для современных охотников-собирателей так же, как и для всех остальных. Многим настолько не нравится перспектива провести всю свою жизнь в окружении близких родственников, что они перемещаются на огромные расстояния лишь для того, чтобы быть подальше. Новые демографические исследования современных охотников-собирателей — в ходе которых проводились статистические сравнения данных по глобальной выборке случаев, от Танзании, где живет народ хадза, до Австралии, где живет народ марту[414], — демонстрируют, что жилые группы вовсе не состоят из биологических родственников. Генетические исследования, бурно развивающиеся в настоящее время, позволяют предположить, что так же обстояли дела и в жилых группах древних охотников-собирателей, начиная с эпохи плейстоцена[415].

Например, современные марту могут называть себя потомками некоего общего тотемического предка, но на самом деле биологические родственники составляют лишь десять процентов от общей численности той или иной жилой группы. Большинство членов группы не имеют близких генетических связей, они родом из сильно удаленных друг от друга мест и могут даже не быть носителями одних и тех же языков. Любой, кто считается марту, может быть членом любой группы марту, и то же самое касается хадза, баяка, кунгсан и других. В то же время наиболее авантюрно настроенные члены группы могут полностью покинуть свою большую группу. Еще более удивительно, что подобное

происходит и в регионах вроде Австралии, где существуют очень сложные системы родства, в которых почти все социальные структуры на первый взгляд выстроены вокруг генеалогической связи с тотемическими предками.

Можно предположить, следовательно, что в подобных случаях родство выступает скорее своего рода метафорой социальных связей — примерно так же и мы говорим: «все люди братья», когда выражаем свою приверженность интернационализму (при этом мы можем на дух не переносить своего родного брата и годами не общаться с ним). Более того, такие метафоры могут объединять людей, живущих на большом расстоянии друг от друга, — что мы видели в случае кланов Черепахи или Медведя, некогда существовавших в Северной Америке, или дуальных организаций{70} в Австралии. Благодаря этому любой, кто разочаровался в своих ближайших биологических родственниках, мог относительно спокойно перемещаться на большие расстояния и рассчитывать на теплый прием в далеких краях.

Современные общества охотников-собираателей словно бы одновременно существуют в двух абсолютно разных масштабах: на уровне небольших групп и близких контактов и на уровне связей, простирающихся на огромные расстояния и даже целые континенты. Это может показаться странным, но с точки зрения когнитивистики всё абсолютно логично. Именно эта способность переключаться между двумя уровнями сильнее всего отличает социальное познание у людей от социального познания у других приматов[416]. Обезьяны могут соперничать за ласку и бороться за доминирование, но в их случае любая победа временная, а результаты состязания всегда могут быть пересмотрены. Они не воображают что-либо вечным. Они вообще не воображают. Люди обычно одновременно поддерживают социальные связи примерно со ста пятьюдесятью людьми, с которыми они лично знакомы, и входят в воображаемые структуры вместе с миллионами или даже миллиардами других людей. Иногда, как в случае современных наций, предполагается, что эти структуры основываются на родственных связях, иногда нет[417].

По крайней мере в этом отношении современные нам охотники-собираатели не отличаются от современных городских жителей или древних охотников-собираателей. Мы все обладаем способностью чувствовать связь с людьми, которых мы скорее всего никогда не встретим вживую; способностью быть членом макрообщества, которое большую часть времени существует в режиме «виртуальной реальности» — в реальности возможных отношений со своими собственными правилами, ролями и структурами, которые удерживаются в сознании и памяти когнитивной деятельностью — созданием образов и ритуалами. Охотники-собираатели иногда могут жить в небольших группах, но они не живут — и, вероятно, никогда не жили — в маленьких обществах[418].

Всё это не значит, что масштаб — в смысле абсолютной численности населения — не имеет никакого значения. Это означает, что подобные вещи необязательно работают так, как мы привыкли о них думать. Как минимум в этом отношении Канетти был прав. Массовое общество сначала существует в воображении и только потом становится физической реальностью. И что самое главное — оно продолжает существовать в воображении и после того, как становится физически реальным.

Теперь мы можем вернуться к городам.

Города осязаемы. Некоторые составляющие их физической инфраструктуры — стены, дороги, парки, канализации — могут оставаться неизменными на протяжении сотен или даже тысяч лет; но если говорить о населении, то города постоянно изменяются. Люди всё время приезжают и уезжают из городов — иногда навсегда, иногда сезонно — на время каникул и праздников, чтобы навестить родных, поторговать, напасть на кого-то, попутешествовать и так далее; иногда такие перемещения могут быть частью повседневной рутины. Но жизнь городов этим не ограничивается. Дело не в том, что камни, кирпичи или куски глины не меняют своего расположения, и не в том, что большинство жителей города всё же встречаются друг с другом. Дело в том, что люди часто мыслят и ведут себя как жители, обладающие чувством принадлежности к своему городу: лондонцы, москвичи или калькутцы. Как пишет городской социолог Клод Фишер:

“ Большинство городских жителей ведут практичную и замкнутую жизнь, редко посещают центр города, плохо знают те районы, в которых им не приходилось жить или работать, и видят (в социологическом смысле) лишь незначительную часть городского населения. Конечно, иногда — в часы пик, на футбольных матчах и так далее — они могут находиться в окружении тысяч незнакомцев, но это необязательно оказывает непосредственное воздействие на их личную жизнь... горожане живут в маленьких социальных мирах, соприкасающихся, но не взаимопроникающих[419].

Всё это в равной степени относится и к древним городам. К примеру, Аристотель утверждал, что Вавилон был настолько огромен, что даже спустя два или три дня после его захвата вражеской армией жители некоторых районов не знали о случившемся. Иными словами, с точки зрения жителя древнего города, сам по себе город не так уж сильно отличался от кланов или дуальных организаций, которые возникли раньше и простирались на сотни миль. Эта структура существовала главным образом в воображении людей, что давало им возможность иметь дружественные отношения с теми, с кем они никогда не встречались.

В четвертой главе мы предположили, что на протяжении значительной части истории человечества географический ареал, доступный большинству людей, на самом деле сокращался. «Культурные ареалы» эпохи палеолита простирались на целые континенты. Даже в эпоху мезолита и неолита культурные зоны охватывали гораздо более обширные территории, чем те, на которых проживает большинство современных этнолингвистических групп (то, что антропологи называют «культурами»). Появление городов сыграло свою роль в этом процессе сужения, поскольку горожане могли проводить (и зачастую проводили) всю свою жизнь на территории радиусом в несколько миль — люди более ранних эпох не могли бы себе такое вообразить. Мы можем представить себе этот процесс, например, так: обширная региональная система вроде тех, что охватывали значительную часть Австралии или Северной Америки, сжимается до размеров одного-единственного города, при этом по-прежнему сохраняя свою виртуальность. Если возникновение первых городов было хотя бы примерно похоже на описанный нами процесс, то нет никаких причин полагать, что это

событие стало серьезным вызовом для когнитивных способностей человека. Ведь на протяжении всего предшествующего времени люди как раз занимались тем, что жили в безграничных, вечных и по большей части воображаемых группах.

Что же тогда было нового в городах? Давайте вернемся к археологическим данным. Первые поселения, в которых жили десятки тысяч человек, появились около шести тысяч лет назад. Они встречаются почти на каждом континенте и изначально существовали изолированно. Потом их число начало увеличиваться. Одна из причин, по которой так трудно вписать то, что мы теперь знаем об этих городах, в старомодную эволюционную последовательность, в которой города, государства, бюрократии и социальные классы возникают вместе[420], заключается в том, насколько эти города отличаются друг от друга. Дело не только в том, что в некоторых из них не было классового деления, монополии на богатство или административных иерархий. Первые города настолько сильно отличались друг от друга, что складывается впечатление, будто их обитатели с самого начала целенаправленно экспериментировали с формами городской жизни.

Современные археологические раскопки среди прочего показывают, что на удивление немногие из первых городов обладают признаками авторитарного правления. Они также свидетельствуют о том, что экология этих городов была гораздо более разнообразной, чем считалось ранее: далеко не все города зависели от сельской местности, где крепостные или крестьяне трудились в поте лица, чтобы наполнить телеги зерном для городских жителей. Безусловно, такая ситуация стала типичной в более поздние эпохи, но в экономике первых городов мелкое садоводство и животноводство зачастую играли как минимум столь же важную роль. Городские жители также пользовались морскими и речными ресурсами, продолжали охотиться и собирать дикие сезонные растения в лесах и на болотах. Конкретный набор ресурсов зависел от расположения города, но становится всё более очевидно, что жители первых в истории человечества городов далеко не всегда оставляли суровый след на окружающей среде — или друг на друге.

Каково было жить в этих городах?

Ниже мы в основном будем говорить о том, что происходило в Евразии, а в следующей главе перейдем к Мезоамерике. Конечно, эту историю можно было бы рассказать и на материале других регионов (например, Субсахарской Африки, где развитие городов в дельте среднего течения Нигера началось задолго до того, как в этом регионе распространился ислам), но в рамках одной книги можно охватить лишь ограниченное количество данных, не внося в них существенных искажений[421]. В каждом из рассматриваемых нами регионов археологу или историку предстоит просеять и взвесить целый ряд источников. При этом в большинстве случаев письменные источники либо отсутствуют вовсе, либо крайне ограничены. (Мы по-прежнему говорим главным образом об очень древних периодах истории человечества и о культурных традициях, сильно отличающихся от наших.)

Возможно, нам никогда не удастся хоть сколько-нибудь детально реконструировать неписанные конституции первых городов или установить, что за потрясения время от времени меняли их облик. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства достаточно надежны не только для того, чтобы опровергнуть общепринятый нарратив, но и

для того, чтобы открыть нам возможности, на которые мы в противном случае никогда бы не обратили внимание. Прежде чем перейти к отдельным кейсам, нам следует сказать хотя бы несколько слов о том, почему города вообще появились на свет. Возможно, сезонные места сбора людей, о которых шла речь в предыдущих главах, постепенно превратились в постоянные поселения, где люди жили круглый год? Это была бы очень простая история. В реальности всё было иначе: сложнее и, как обычно, гораздо интереснее.

Раздел, в котором мы в общих чертах рассказываем о первых городах и рассуждаем о том, почему они ВОЗНИКЛИ

Возникновение первых городов стало новой фазой в истории человечества[422]. Мы будем называть ее «ранний городской мир», хотя это довольно скучный термин для обозначения настолько причудливого периода человеческой истории. Возможно, понять этот период нам будет труднее всего — он одновременно так нам знаком и так чужд. Мы начнем с тех аспектов, которые наиболее нам близки.

Практически во всех первых городах мы видим грандиозные проявления осознанного городского единства. Здания расположены так, что образуют гармоничные и часто прекрасные сочетания, что явно свидетельствует о планировании на общегородском уровне. В тех случаях, когда у нас есть письменные источники (например, в Древней Месопотамии), мы видим, что многочисленные группы людей говорили о себе не в категориях родственных или этнических связей, а просто называли себя «людьми» того или иного города (или зачастую его «сыновьями и дочерьми»), объединенных преданностью основателям города, его богам или героям, городской инфраструктуре и ритуальному календарю, в котором обязательно было место всеобщим торжествам[423]. Во время городских праздников воображаемые структуры, которые люди использовали в повседневной жизни, но которые нельзя было увидеть своими глазами, приобретали осязаемую, материальную форму.

Там, где сохранились источники, мы также обнаруживаем и различия. Жившие в городах люди часто прибывали издалека. В III-IV веке н. э. огромный город Теотиуакан в долине Мехико привлекал людей с полуострова Юкатан и побережья Мексиканского залива; мигранты селились в отдельных районах (возможно, свой район был и у майя). Иммигранты со всей великой долины Инда хоронили своих близких на кладбищах Хараппы. Древние города обычно делились на кварталы, которые могли враждовать друг с другом. Судя по всему, так обстояли дела и в самых первых городах. Вероятно, эти районы, границы которых обозначали стены, ворота или рвы, ничем фундаментально не отличались от своих современных аналогов[424].

Действительно необычными (по крайней мере, для нас) эти города делает отсутствие некоторых вещей. В первую очередь речь идет о технологиях, будь то развитая металлургия, интенсивное сельское хозяйство, социальные технологии (вроде административных записей) или даже колесо. Любая из перечисленных технологий может отсутствовать или присутствовать в зависимости от того, на какую часть раннего городского мира мы обратим внимание. Стоит вспомнить, что до европейского вторжения в Америках по большей части не было ни металлических инструментов, ни лошадей, ослов, верблюдов или волов. Люди и предметы перемещались пешком, на каноэ или волоком. Но размеры доколумбовых столиц вроде Теотиуакана или Теночтитлана превосходят размеры первых городов в Китае или Месопотамии, а греческие «города-государства» бронзового века (вроде Тиринфа и Микен) на их фоне выглядят не более чем укрепленными деревушками.

На самом деле самые крупные и густонаселенные ранние города появились не в Евразии — несмотря на все ее технические и логистические достижения, — а в Мезоамерике, где не было колеса, парусных судов, транспорта и механизмов на животной тяге и где была гораздо хуже развита металлургия и бюрократия. Возникает очевидный вопрос: почему так много людей вообще начали жить в одном месте? Обычно считается, что ответ следует искать в технологических факторах: города стали отложенным, но неизбежным следствием «аграрной революции», которая привела к росту населения и запустила целый ряд других процессов (например, в области транспорта и администрирования). Это, в свою очередь, сделало возможным проживание большого количества людей в одном месте. Чтобы управлять большими массами людей, потребовалось государство. Как мы увидели, ни один элемент этой истории не подтверждается фактами.

Более того, мы едва ли можем говорить о какой-то одной истории возникновения городов. Например, Теотиуакан, судя по всему, стал столь крупным городом (его население достигало ста тысяч человек) главным образом потому, что извержения вулканов и связанные с этим стихийные бедствия заставили множество людей покинуть свои родные места и переселиться туда[425]. Экологические факторы часто играли свою роль в возникновении городов, но в данном случае они лишь косвенно связаны с интенсификацией земледелия. Тем не менее мы видим некоторые общие черты. Во многих регионах Евразии и в некоторых частях Америки города появились почти сразу после второй, постледниковой «перетасовки» экологического комплекта карт, которая началась около 5000 года до н. э. В этот период окружающая среда изменилась как минимум в двух отношениях.

Первое изменение затронуло реки. В начале эпохи голоцена крупнейшие реки на Земле по-прежнему оставались по большей части свирепыми и непредсказуемыми. Затем примерно семь тысяч лет назад паводковые режимы начали меняться, становясь более упорядоченными. Именно в результате этих изменений возникли обширные и крайне плодородные равнины, раскинувшиеся вдоль течения Хуанхэ, Инда, Тигра и других рек, которые ассоциируются у нас с первыми городскими цивилизациями. Одновременно с этим в период среднего голоцена таяние полярных ледников замедлилось настолько, что уровень морей по всему миру стабилизировался — по крайней мере, стал гораздо стабильнее, чем когда-либо прежде. Эти два процесса в совокупности привели к драматическим изменениям; особенно в тех местах, где крупные реки впадали в открытые воды, намывая

плодородный ил быстрее, чем морские воды вымывали его. Так появились веерообразные дельты, которые мы сейчас можем увидеть в верховьях Миссисипи, Нила или Евфрата[426].

Экосистемы речных дельт с хорошо увлажненными почвами, ежегодно просеивающимися в результате разливов рек, богатыми водно-болотными угодьями и береговыми зонами, привлекающими мигрирующую дичь и водоплавающих птиц, стали основными точками притяжения для людей. Неолитические земледельцы перемещались туда и приносили с собой свои сельскохозяйственные культуры и домашний скот. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что такие экосистемы представляли собой увеличенную версию экосистем тех рек, родников и озер, где зародилось неолитическое растениеводство. С одним важным отличием: за горизонтом было открытое море, а перед ним находились обширные болота, обеспечивавшие людей ресурсами водной среды, которые снижали риски, сопряженные с ведением сельского хозяйства, а также служили постоянным источником органических материалов (тростника, волокна, ила), которые использовались для строительства и в ремеслах[427].

Всё это в сочетании с плодородными аллювиальными почвами, расположенными дальше от побережья, обеспечивало развитие в Евразии специализированных форм сельского хозяйства, которые в том числе предполагали использование плуга на гужевой тяге (египтяне также освоили его к 3000 году до н. э.) и разведение овец с целью получения шерсти. Таким образом, экстенсивное сельское хозяйство могло быть следствием, а не причиной урбанизации[428]. Выбирая, какие растения и каких животных разводить, люди зачастую руководствовались не столько стремлением прокормить себя, сколько интересами бурно развивавшихся ремесел первых городов, прежде всего текстильного производства, а также кулинарии (производство алкогольных напитков, хлеба на закваске и молочных продуктов). В экономике первых городов охотники и собиратели, а также рыбаки и птицеловы играли не менее важную роль, чем земледельцы и пастухи[429]. В свою очередь крестьянство появилось позже, на следующем этапе.

Водно-болотные территории и поймы рек — не лучшие места для сохранения археологического материала. Предметы, относящиеся к ранним этапам городской жизни, зачастую покоятся под позднейшими наслоениями ила или остатками городов, возникших на этих местах впоследствии. Во многих частях света самые древние из обнаруженных находок относятся к более позднему этапу развития городов: мы видим уже сформировавшиеся болотные мегаполисы или сети городских центров, по своим размерам в десять раз превосходящие все известные нам более ранние поселения. Некоторые из этих городов, расположенные на заболоченной в прошлом местности, стали известны историкам сравнительно недавно. Эти находки поражают воображение, и нам только предстоит понять их значение.

К примеру, теперь мы знаем, что в китайской провинции Шаньдун в низовьях Хуанхэ не позднее чем в 2500 году до н. э. (то есть более чем за тысячу лет до того, как первые царские династии начали править на центральнокитайских равнинах) уже существовали поселения площадью триста и более гектар — среди них Лянчэнчжэнь и Яованчэн. Примерно в то же время огромные церемониальные центры появились по другую сторону Тихого океана, в долине перуанской реки Супе. В частности, мы говорим о поселении

Караль, где археологи раскопали затопленные площади и монументальные платформы, которые на четыре тысячи лет старше, чем Империя инков[430]. Нам только предстоит выяснить, как много людей проживало вокруг этих крупнейших городских центров.

Эти новые находки демонстрируют, что археологам еще многое предстоит узнать о распространении первых в мире городов. Они также указывают на то, что эти города могли быть гораздо старше, чем системы авторитарного правления и письменного администрирования, которые, как считалось ранее, являются необходимым условием возникновения городов. Такие же откровения готовят для нас низменности майя, где были обнаружены действительно гигантские церемониальные центры — и при этом отсутствуют признаки монархии или социальной стратификации, — относящиеся к 1000 году до н. э. Это значит, что их построили более чем за тысячу лет до возвышения правителей майя классического периода, чьи города были гораздо меньших размеров[431]. В этой связи возникает интересный, но сложный вопрос. Что, помимо тростника, волокна и глины, служило связующим элементом древних экспериментов в области урбанизации? Что играло роль социального клея? Настало время разобрать несколько примеров, но прежде чем перейти к великим речным цивилизациям Тигра, Инда и Хуанхэ, мы посетим пастбища Восточной Европы.

Раздел, в котором мы говорим о «мегапоселениях» и о том, как археологические находки, сделанные в Украине, переворачивают привычные представления о возникновении городов

Древние обитатели Причерноморья купались в золоте. По крайней мере, такое впечатление может сложиться у посетителя крупных музеев Софии, Киева или Тбилиси. Со времен Геродота путешественники возвращались домой из Причерноморья с невероятными историями о роскошных похоронах царей-воителей, которые сопровождались массовым убийством множества лошадей и слуг. Более чем тысячу лет спустя, в X веке н. э., путешественник Ибн Фадлан рассказывал очень похожие истории, чтобы произвести впечатление на своих арабских читателей.

Как следствие, применительно к этим территориям выражение «доисторический период» (или, как иногда говорят, «протоисторический») всегда ассоциируется с наследием аристократических племен и роскошными гробницами, наполненными сокровищами. Безусловно, такие гробницы действительно существуют. В западной части региона, в

Болгарии, первым таким захоронением стало утопленное в золоте кладбище Варны, по странному стечению обстоятельств возникшее в период, который специализирующиеся на этом регионе археологи называют медным веком (5-е тысячелетие до н. э.). Восточнее, на юге России, вскоре после этого зародилась традиция экстравагантных похоронных ритуалов, известная своими курганами, которые насыпали на месте захоронения воинов и царей[432].

Но оказывается, что это далеко не вся история. Возможно, величественные захоронения воинов — это даже не самое интересное, что происходило в этом регионе в доисторический период. Там также были города. В 1970-е годы археологи стали находить в Украине и Молдове первые следы существования гораздо более древних и крупных городов, чем все те, что они встречали ранее[433]. Дальнейшие исследования продемонстрировали, что эти города, часто называемые «мегапоселениями», — на месте современных поселений Тальянки, Майданецкое, Небелевка и других — относятся к началу и середине 5-го тысячелетия до н. э. Это значит, что некоторые из них даже более древние, чем самые древние из известных нам поселений Месопотамии. Кроме того, они крупнее их.

Но даже сейчас эти украинские поселения практически не упоминаются в научных дискуссиях о возникновении городов. Более того, сам термин «мегапоселение» — это своего рода эвфемизм, сигнализирующий широкой аудитории, что перед нами не нормальные города, а скорее деревни, которые по какой-то причине непомерно разрослись. Некоторые археологи так их и называют — «разросшиеся деревни». С чем связано такое нежелание исследователей включить украинские мегапоселения в заколдованный круг истоков городской жизни? Почему все, кто хоть чуть-чуть интересуется возникновением городов, слышали про Урук или Мохенджо-Даро, но почти никто не знает про Тальянки?

Ответ лежит главным образом в политической сфере. Отчасти дело в геополитике: большая часть раскопок в этих местах проводилась исследователями из Восточного блока в годы холодной войны. В связи с этим их находки медленно проникали в западные научные круги, а западные ученые воспринимали любое известие о новых поразительных открытиях из этого региона с долей скептицизма. Еще большую роль, возможно, сыграла политическая жизнь самих доисторических поселений. Исходя из традиционных представлений о политике, никакой политической жизни там как бы не было. Археологи не обнаружили никаких свидетельств существования централизованного государственного управления и, более того, ничего похожего на правящий класс. Иначе говоря, эти огромные поселения обладали всеми отличительными признаками того, что эволюционисты называли бы «простым», а не «сложным» обществом.

Здесь трудно не вспомнить знаменитый рассказ Урсулы Ле Гуин «Уходящие из Омеласа». В нем речь идет о вымышленном городе Омелас, который обходится без королей, рабов и секретной полиции, а также не ведет войн. Ле Гуин отмечает, что мы склонны пренебрегать такими сообществами как «простыми», но на самом деле жители Омеласа «отнюдь не простаки, не сладкогласные аркадские пастушки, не благородные дикари, не кроткие обитатели утопии. Они ничуть не примитивнее нас». Проблема в том, что «мы подвержены одной скверной привычке, коей во многом обязаны высоколобым педантам, — привычке считать любое проявление счастья признаком безнадежного кретинизма»{71}.

Ле Гуин права. Конечно, мы не знаем, насколько жители украинских мегапоселений вроде Майданецкого или Небелевки были более счастливы по сравнению с царями, которым насыпали курганы, или даже их слугами, которых ритуально приносили в жертву во время похоронных церемоний; или по сравнению с закабаленными работниками, которые в более позднюю эпоху выращивали пшеницу и ячмень для жителей греческих колоний по всему черноморскому побережью (хотя мы можем строить догадки). И да, как знают все, кто читал рассказ Ле Гуин, у жителей Омеласа были свои проблемы. Но всё же: почему мы считаем, что если большая группа людей нашла способ управлять и обеспечивать себя, не имея храмов, дворцов и военных укреплений — то есть без явных проявлений высокомерия, самоуничтожения и жестокости, — то эти люди примитивнее тех, кому это не удалось?

Почему мы не решаемся назвать такое место «городом»?

Люди жили в мегапоселениях Украины и на прилегающих к ним территориях примерно с 4100 по 3300 год до н. э., то есть порядка восьми веков, что значительно дольше, чем в большинстве последующих городских культур. Почему они вообще там поселились? По всей видимости, украинские мегапоселения, подобно городам Месопотамии и долины Инда, возникли вследствие экологического оппортунизма, характерного для среднего периода голоцена. В этом случае свою роль сыграли не изменения в динамике разливов рек, а процессы почвообразования на равнинах к северу от Черного моря. Местные черноземы славятся своей плодородностью; по этой причине земли между Южным Бугом и Днестром стали настоящей житницей для империй поздней античности (именно поэтому греческие города-государства основывали в этом регионе колонии, порабощая местных жителей или делая их своими крепостными: античные Афины кормились главным образом за счет черноморского зерна).

К 4500 году до н. э. чернозем получил широкое распространение на территории между Карпатскими и Уральскими горами, которая благодаря мозаичному ландшафту, сочетающему в себе открытые степи и лесные массивы, оказалась в состоянии прокормить большие массы людей[434]. Поселившиеся там неолитические сообщества пришли с запада, из нижних притоков Дуная, перейдя через Карпатские горы. Мы не знаем, почему так получилось, но нам известно, что на протяжении всех своих скитаний по речным долинам и горным перевалам они сохраняли устойчивую социальную идентичность. Их поселения, часто небольшие по размеру, имели схожие культурные практики, о чем свидетельствуют жилища, женские статуэтки, а также способы приготовления и хранения пищи. Археологическое название этой культуры — Триполье-Кукутень{72} — дано в честь тех поселений, где были впервые обнаружены относящиеся к ней предметы[435].

Так что мегапоселения на территории Украины и Молдовы не появились из воздуха. Они стали материальным воплощением обширного сообщества, существовавшего задолго до того, как его составные части объединились в более крупные поселения. К настоящему времени задокументировано несколько десятков таких поселений. Самое крупное из ныне известных, Тальянки, простиралось более чем на 300 гектаров, то есть по своим размерам превосходило город Урук в Южной Месопотамии на ранних этапах его развития. В Тальянках не было обнаружено никаких свидетельств централизованного управления или существования общинных складских сооружений. Также отсутствуют правительственные

здания, укрепления или монументы. Там нет ни акрополя, ни административного центра; ничего похожего на огороженный район Эана («Храм Небес») в Уруке или Большой бассейн в Мохенджо-Даро.

Но есть дома. В Тальянках — более тысячи домов. Прямоугольные дома шириной в 16 футов и длиной около 30 с лишним футов, построенные из прутьев и глины на деревянных каркасах с каменным фундаментом. Эти дома с прилегающими к ним садами образуют аккуратные круговые узоры, так что с высоты птичьего полета все мегапоселения напоминают срез ствола дерева: большие кольца с концентрическими промежутками между ними. Внутреннее кольцо обрамляет обширную территорию в центре, где первые исследователи рассчитывали обнаружить что-нибудь важное — грандиозные сооружения или величественные захоронения. Но во всех исследованных поселениях центральная часть была просто пустой. Есть разные версии того, какую функцию она могла выполнять: она могла быть местом проведения народных собраний или церемоний или сезонным загонем для животных — возможно, всем сразу[436]. В итоге в стандартном археологическом плане украинского мегапоселения отсутствует ядро.

Поражают не только размеры этих поселений, но и их расположение: они находятся очень близко, не более чем в 6–9 милях друг от друга[437]. Следовательно, их население — которое оценивается в несколько тысяч человек в каждом мегапоселении, а в некоторых из них, вероятно, могло проживать более десяти тысяч — должно было черпать ресурсы из одних и тех же внутренних районов. Тем не менее жители этих поселений, по всей видимости, оказали на удивление незначительное влияние на экологию региона[438]. Тому есть целый ряд возможных объяснений. Некоторые ученые утверждают, что люди жили в этих мегапоселениях только часть года или даже в течение одного сезона[439]. Если так, то они представляли собой аналог тех пространств для временных собраний, о которых мы говорили в третьей главе, но только в масштабах города. Это плохо согласуется с тем фактом, что их жители строили себе основательные дома (подумайте об усилиях, затраченных на вырубку деревьев, закладку фундамента, возведение крепких стен и так далее). Более вероятно, что эти мегапоселения были примерно такими же, как и большинство остальных городов, — не постоянные и не временные места для проживания, а что-то посередине[440].

Небелевка: доисторическое «мегапоселение» в украинской лесостепи

Небелевка: доисторическое «мегапоселение» в украинской лесостепи

1 предполагаемые границы
жилых районов

2 въезд
3 дома для собраний

0 500 ярдов
0 500 метров

Составлено на основе карты, подготовленной Й. Биднеллом с использованием данных Д. Хэйла; карта любезно предоставлена Дж. Чапманом и Б. Гайдарска

Стоит также рассмотреть возможность того, что жители мегапоселений сознательно обращались с местной экосистемой таким образом, чтобы избежать масштабного обезлесения. Это предположение соответствует результатам археологических исследований их экономики, которая включала набор из огородничества (зачастую огороды разбивали на территории поселения), содержания домашнего скота, выращивания фруктов и различных видов охоты и собирательства. Рацион был удивительно разнообразным, но также устойчивым. Растительный рацион местных жителей включал в себя пшеницу, ячмень, бобовые, а также яблоки, груши, вишни, терн, желуди, лесные орехи и абрикосы. Они охотились на благородных оленей, косуль и диких кабанов, а также занимались земледелием и лесоводством. Это была «игра в сельское хозяйство» в крупном масштабе: городское население добывало себе пропитание, занимаясь растениеводством и скотоводством в небольших масштабах, а также используя крайне разнообразные ресурсы дикой природы[441].

Такой уклад жизни ни в коем случае нельзя считать «простым». Обитатели этих городов управляли фруктовыми садами, огородами, домашним скотом и лесными массивами, а также импортировали большие количества соли из источников в Восточных Карпатах и на Черноморском побережье. В долине Днестра они тоннами добывали камень, из которого изготавливали инструменты. Процветало домашнее гончарное производство: местные глиняные изделия считаются одними из самых выдающихся образцов керамики, созданных в доисторическую эпоху; местные жители также регулярно получали медь с Балкан[442]. Археологи не пришли к консенсусу по вопросу о том, какая именно форма социального устройства для этого требовалась, но большинство исследователей согласны с тем, что такой экономический уклад требовал серьезных логистических усилий. Местная экономика, безусловно, производила излишки. Следовательно, существовала возможность, что какая-то группа людей станет контролировать хранение и поступление ресурсов, распоряжаться ими по своему усмотрению или сражаться с другими группами за добычу; но на протяжении восьми столетий мы не видим практически никаких свидетельств ведения войн или возникновения элитных групп. Мегапоселения были воистину сложными механизмами — их жители прибегали к сложным стратегиям, чтобы избежать такого развития событий.

Как же всё это работало? В отсутствие письменных источников (или машины времени) наши знания об институтах родства и наследования, а также о том, как жители этих городов принимали коллективные решения, сильно ограничены[443]. Тем не менее есть некоторые зацепки, уже на уровне отдельных домохозяйств. Все домохозяйства были устроены примерно одинаково, но при этом каждое из них было по-своему уникальным. Переходя от одного жилища к другому, мы видим постоянные нововведения и даже игривость в правилах совместной трапезы. Жители каждого дома придумывали свою, немного отличающуюся вариацию домашних ритуалов, отражением которой служил уникальный набор посуды для сервировки и употребления пищи, украшенной полихромными узорами, плотность и разнообразие которых поражает воображение. Такое ощущение, что каждое домохозяйство состояло из коллектива художников, разрабатывавших собственный уникальный эстетический стиль.

Некоторые керамические изделия напоминают по форме женские тела; глиняные статуэтки женщин — одни из тех предметов, которые чаще всего встречаются среди развалин домов.

До нас также дошли модельки домов и крошечные копии мебели и посуды — миниатюрные репрезентации исчезнувших социальных миров, опять же свидетельствующие о том, что важную роль в них играли женщины[444]. Всё это дает нам некоторое представление о культурной среде этих домохозяйств (легко понять, почему Мария Гимбутас, чью концепцию доисторической Евразии мы обсуждали выше, считала Триполье-Кукутень частью «Старой Европы», в культурном отношении восходящей к ранним сельскохозяйственным обществам Анатолии и Среднего Востока). Но каким образом такое множество домохозяйств образовали большие концентрические окружности, придающие украинским мегапоселениям их отличительный вид?

Поначалу кажется, что для этих поселений было характерно крайнее единообразие, что каждое из них представляет собой замкнутый контур социального взаимодействия. Однако при более пристальном рассмотрении мы обнаруживаем постоянные отклонения от нормы. Отдельные домохозяйства иногда объединялись в группы от трех до десяти семей. Их границы были отмечены рвами или ямами. В некоторых поселениях такие группы образовывали небольшие районы, расходящиеся от центра к периметру города, или даже более крупные жилые округа и кварталы. Каждый из этих районов имел доступ к как минимум одному дому для собраний — более крупному сооружению, чем обычное жилище, в котором периодически могли собираться жители города, чтобы заниматься тем, о чем сегодня мы можем только догадываться (проводить политические собрания? устраивать судебные процессы? отмечать сезонные праздники?)[445].

Тщательный анализ, проведенный археологами, демонстрирует, что внешнее единообразие украинских мегапоселений выросло «снизу», было результатом решений, которые принимались на местах[446]. Это означает, что жители отдельных домохозяйств — или, по крайней мере, представители микрорайонов — разделяли общие представления о поселении в целом. Мы также можем с уверенностью сказать, что в основе этих представлений лежал образ круга и его способности к трансформации. Для того чтобы понять, каким образом жители города воплотили этот умоглядный образ в жизнь, превратили его в исправно функционирующий социальный мир огромных масштабов, нам недостаточно одних только данных археологии. К счастью, развивающаяся область этноматематики демонстрирует, как такого рода система могла работать на практике. Самый информативный из известных нам примеров — это традиционные баскские поселения в горной части Атлантических Пиренеев.

Современные баски, проживающие в юго-западной части Франции, также представляют свои сообщества в форме окружностей, мысленно ограничивая их горными массивами. Так они подчеркивают полное равенство всех домохозяйств и семей. Очевидно, что социальное устройство этих сообществ вряд ли будет в точности соответствовать устройству древних украинских поселений. Тем не менее они служат прекрасной иллюстрацией того, что подобные круговые организации могут быть частью сознательных эгалитарных проектов, где «у всех есть соседи слева и соседи справа. Нет первых и последних»[447].

Например, в коммуне Сент-Анграс круговое строение деревни также служит динамической моделью, используемой в качестве инструмента для счета, который обеспечивает сезонное перераспределение основных задач и обязанностей между жителями поселения. Каждое

воскресенье жители одного домохозяйства освящают две буханки хлеба в местной церкви: одну съедают сами, а другую дарят своим «первым соседям» (жителям дома справа от них); на следующей неделе жители этого дома передают хлеб своим соседям справа и так далее по часовой стрелке. В деревне с сотней домов полный оборот занимает около двух лет[448].

Как это часто бывает, в описанную ситуацию вложена целая космология, теория человеческого существования: буханки называют «семенем», тем, что дает жизнь; в то же время забота о мертвых и умирающих движется в обратном направлении, против часовой стрелки. Но эта система также служит основой для экономического взаимодействия. Если домохозяйство по тем или иным причинам не может выполнить свои обязательства, то в дело вступает тщательно продуманная система замещения: соседи первого, второго, а иногда и третьего порядка временно берут на себя обязательства этого домохозяйства. Такая взаимопомощь в свою очередь служит моделью для практически любых форм взаимодействия. Та же система «первых соседей» и замещения, та же серийная модель реципрокности приходит на выручку в тех случаях, когда возникает ситуация, требующая большего числа рабочих рук, чем есть в одной семье: начиная с посева и сбора урожая и заканчивая сыроварением и забоем свиней. Из этого следует, что домохозяйства не могут планировать свою ежедневную деятельность исходя исключительно из собственных нужд. Они также должны учитывать свои обязательства перед другими домохозяйствами, у которых в свою очередь есть обязательства перед другими домохозяйствами и так далее. С учетом того, что некоторые задачи — вроде перегона стад на высокогорные пастбища или доения, стрижки и охраны домашнего скота — могут требовать совместных усилий десяти домохозяйств и что этим домохозяйствам необходимо планировать свою жизнь таким образом, чтобы хватало времени на выполнение различных обязательств, мы можем представить, насколько сложно устроена их жизнь.

Иными словами, «простые» экономики на самом деле редко бывают такими уж простыми. Они часто ставят перед людьми крайне сложные логистические задачи, для решения которых те прибегают к сложным системам взаимопомощи, не требующим централизованного контроля и администрирования. Жители баскских деревень в этом регионе — сознательные эгалитаристы: они настаивают, что все домохозяйства равны и имеют такие же обязательства, как и все остальные; но вместо того чтобы заниматься самоуправлением при помощи общинных собраний (как делали в прошлом жители баскских городов вроде Герники), они опираются на математические принципы: ротацию, последовательную замену и чередование. Но конечный результат всё тот же, и эта система оказалась достаточно гибкой, чтобы приспособливаться к изменениям в численности домохозяйств и возможностях их жителей, позволяя поддерживать равноправие на протяжении долгого времени практически без каких-либо внутренних конфликтов.

Нет никаких причин полагать, что такая система может работать только в небольшом поселении: деревня с сотней домохозяйств — это уже больше, чем тот когнитивный порог в сто пятьдесят человек, о котором говорит Данбар (число стабильных социальных связей, которые мы в состоянии поддерживать, не нуждаясь в вождях и администраторах, которые отвечали бы за социальные вопросы); а баскские деревни и города в прошлом были еще крупнее. Теперь мы по крайней мере начинаем понимать, что в другом контексте подобные эгалитарные системы могли бы масштабироваться до сообществ, включающих в себя сотни

и даже тысячи домохозяйств. Возвращаясь к украинским мегапоселениям, следует признать, что мы до сих пор многого о них не знаем. Примерно в середине 4-го тысячелетия до н. э. большинство из них были попросту покинуты людьми. Мы по-прежнему не знаем, почему это произошло. В то же время они дают нам кое-что очень важное: доказательство того, что эгалитарное устройство может существовать в масштабах города[449]. Учитывая это обстоятельство, мы можем посмотреть свежим взглядом на более известные примеры городов в других частях Евразии. Давайте начнем с Месопотамии.

О Месопотамии и «не очень примитивной» демократии

«Месопотамия» значит «земля между двумя реками». Археологи иногда называют этот регион «родиной городов»[450]. Поймы пересекают в остальном засушливые земли Южного Ирака, переходя в болота неподалеку от Персидского залива[451]. Первые города здесь возникли как минимум за 3500 лет до н. э. На расположенных севернее территориях между Тигром и Евфратом, где реки проходят по орошаемым дождями равнинам, города появились еще раньше, около 4000 года до н. э.[452].

В отличие от украинских мегапоселений или городов бронзового века в долине Инда, к которым мы вскоре перейдем, Месопотамия была хорошо известна еще до того, как первые археологи вонзили свои лопаты в ее древние курганы[453]. Все, кто читал Библию, знают про Вавилонское и Ассирийское царство; в Викторианскую эпоху исследователи Библии и ориенталисты начали раскапывать поселения вроде Ниневии и Нимруда, названия которых встречаются в Священном писании, надеясь обнаружить города, которыми правили такие легендарные фигуры, как Навуходоносор, Синаххериб или Тиглатпаласар. Они нашли то, что искали, но также обнаружили еще более поразительные вещи: например, базальтовую стелу с законами Хаммурапи, правившего Вавилоном в XVIII веке до н. э., которая была найдена в городе Сузы на западе Ирака; глиняные таблички из Ниневии с копиями «Эпоса о Гильгамеше», легендарного правителя Урука; царские могилы в Уре на юге Ирака, где около 2500 года до н. э. вместе с невероятными богатствами и останками принесенных в жертву слуг были похоронены цари и царицы, не упомянутые в Библии.

Исследователей ждали и другие сюрпризы. Древнейшие останки городов и царств (в том числе царские могилы в Уре) относились к прежде неизвестной культуре, не упомянутой в Священном Писании, — шумерской. Язык, на котором говорили шумеры, не относится к семитской семье, из которой происходит иврит и арабский[454]. (Как и в случае баскского языка, исследователи не пришли к консенсусу относительно того, к какой языковой семье принадлежит шумерский.) Но в целом результаты первых десятилетий археологических раскопок в регионе, в конце XIX — начале XX века, подтвердили представление о том, что Месопотамия была территорией империй и монархий. Шумеры — по крайней мере, на первый взгляд — тоже не были исключением. Скорее они задавали тон[455]. Интерес публики к находкам в Уре был настолько велик, что в 1920-е годы газета *Illustrated London News* (служившая англичанам «окном в мир») посвятила не менее тридцати статей

раскопкам царских могил, которые вел Леонард Вулли{73}.

Эти находки только укрепили широко распространенное представление о Месопотамии как о цивилизации городов, монархии и аристократии, пронизанное восторгом открытия «правды», лежащей за Священным Писанием («Ур халдейский» был не только шумерским городом, но также упоминался в Пятикнижии как место рождения патриарха Авраама). И всё же одно из главных достижений современной археологии и эпиграфики позволило полностью перерисовать эту картину: оно продемонстрировало, что Месопотамия не была испокон веков «землей царей». История оказалась гораздо более сложной.

В древнейших городах Месопотамии — относящихся к 4-му и началу 3-го тысячелетия до н. э. — мы не видим совсем никаких явных признаков существования монархии. Нам могут возразить, что сложно наверняка доказать отсутствие того или иного явления. Однако мы знаем, как должны выглядеть признаки существования монархии в таких городах, поскольку пятьсот лет спустя (начиная примерно с 2800 года до н. э.) они начали появляться повсюду: дворцы, захоронения аристократов и царские надписи, а также крепостные стены вокруг городов и охраняющее их вооруженное ополчение. Но первые города и вместе с ними основные составляющие гражданской жизни в Месопотамии — древние строительные блоки ее городского общества — начали появляться задолго до «раннединастического» периода.

Среди этих исходных элементов городской жизни есть и те, которые ошибочно считают порождением монархического государства, — например, институт, который историки обозначают французским термином *corvée* (трудовая повинность). Этот термин описывает возложенную на свободных граждан обязанность сезонно заниматься общественно полезным трудом. Трудовая повинность всегда рассматривается как форма налога, которым могущественные правители облагают население: налога, который уплачивается не товарами, а услугами. Но для жителей Месопотамии трудовая повинность была древним институтом — таким же древним, как и само человечество. Миф о потопе («Атрахасис»), ставший прообразом для истории о Ное из Ветхого Завета, рассказывает о том, как боги создали людей для того, чтобы те вместо них отработывали трудовую повинность. Месопотамские божества были необычайно хозяйственными и изначально выполняли всю работу сами. В конце концов, устав от рытья ирригационных каналов, они создали второстепенных божеств, чтобы те работали за них, но и они взбунтовались. Боги — которые повели себя гораздо мягче, чем христианский бог в отношении Люцифера, — прислушались к требованиям этих божеств и создали людей[456].

Все должны были отработывать трудовую повинность. Даже самые могущественные месопотамские правители более позднего периода должны были принести корзину глины для строительства важного храма. В шумерском языке трудовая повинность обозначается словом «дубсиг» — так называли корзину с землей. Это слово писалось пиктограммой, которая изображала человека, несущего корзину на голове, — так изображаются и цари на памятниках вроде барельефа Ур-Нанше, созданном около 2500 года до н. э. Свободные люди отработывали трудовую повинность на протяжении недель или даже месяцев. В это время высокопоставленные священнослужители и управленцы трудились рука об руку с ремесленниками, пастухами и земледельцами. В более позднюю эпоху цари могли делать исключения для некоторых своих подданных, позволяя богачам вместо этого заплатить

налог или нанять людей, чтобы те отработывали повинность за них. Тем не менее все должны были так или иначе внести свой вклад[457].

Царские гимны описывают «счастливые лица» и «радостные сердца» людей, отработывающих трудовую повинность. Безусловно, здесь присутствует определенная пропагандистская составляющая, но очевидно, что даже в эпоху империи и монархии эти сезонные работы устраивались в праздничной атмосфере: для работников готовилось обильное вознаграждение в виде хлеба, пива, фиников, сыра и мяса. Во всём этом также было что-то карнавальное. На период работ моральные устои города переворачивались с ног на голову, а границы между разными категориями жителей исчезали. Атмосферу этих работ передают «Гимны Гудеа» — правителя (энси) города-государства Лагаш. Эти гимны, датированные примерно концом 3-го тысячелетия до н. э., прославляют восстановление храма Эннинну, дома Нингирсу, божественного покровителя города:

Женщины не таскали корзины,
только лучшие воины строили здание
для него; плеть не наносила ударов;
матери не били своих (непослушных) детей;
генерал,
полковник,
капитан
(и) молодой воин,
они (все) делили работы поровну;
поистине, надзор был (подобен) мягкой шерсти
в их руках[458].

Жители города также получали и более долгосрочные выгоды — так, правители объявляли списание долгов[459]. Таким образом, периоды трудовой мобилизации воспринимались как время, когда все были абсолютно равны перед богами — когда даже рабы могли оказаться на равных со своими хозяевами, — а также время, когда воображаемый город становился реальным: жители отбрасывали свои повседневные идентичности пекарей, трактирщиков, жителей того или иного района или, в более позднюю эпоху, военачальников и рабов, чтобы ненадолго стать единым «народом» Лагаша, Киша, Эриду или Ларса, строя или восстанавливая ту или иную часть города или жизненно необходимую систему ирригационных каналов.

Если нарисованная нами картина хотя бы отчасти соответствует тому, как были устроены города, то мы едва ли можем сбрасывать такие праздники со счетов как чисто символические мероприятия. Более того, существовали и другие институты, которые, по-видимому, также возникли в додинастический период и позволяли жителям играть важную роль в управлении городом. Даже самые авторитарные правители городов-государств более позднего периода отвечали перед многочисленными городскими советами, районными палатами и собраниями, в которых женщины были представлены наряду с мужчинами[460]. «Сыновья и дочери» города имели возможность озвучивать свои мнения и влиять на все сферы его жизни: от налогообложения до внешней политики. Возможно, местные городские собрания были не столь влиятельны, как аналогичные институты в Древней Греции, — но, с

другой стороны, в Месопотамии рабство было далеко не столь развито, а женщины не были настолько сильно исключены из политической жизни[461]. Дипломатическая переписка свидетельствует о том, что объединения жителей периодически восставали против непопулярных правителей и проводимой ими политики и зачастую добивались успеха.

Современные исследователи называют такое устройство «примитивной демократией». Не лучший термин, ведь у нас нет никаких оснований полагать, что местные институты были несовершенными или безыскусными. Можно сказать, что, продолжая использовать этот странный термин, ученые препятствуют более широкой дискуссии по вопросу, который сейчас обсуждается по большей части специалистами по ассириологии (изучению Древней Месопотамии и ее клинописных памятников). Давайте внимательнее посмотрим на это обсуждение и вытекающие из него следствия.

О том, что в Месопотамии существовала «примитивная демократия», первым заявил датский историк и специалист по ассириологии Торкильд Якобсен в 1940-е годы[462]. Современные исследователи развили его идею. Районные советы и собрания старейшин, представлявшие интересы городского населения, не были особенностью первых городов Месопотамии, как считал Якобсен; есть свидетельства того, что они существовали и позднее, вплоть до появления Ассирийской, Вавилонской и Персидской империи, память о которых нашла отражение в библейском писании.

Народные советы и собрания горожан (уккин по-шумерски, пухрум по-аккадски) неизменно присутствовали не только в месопотамских городах, но и в колониях (например, в Канеше, анатолийском каруме{74} староассирийского периода) и в городских обществах соседних народов: хеттов, финикийцев, филистимлян и израильтян[463]. На древнем Ближнем Востоке было практически невозможно найти город, в котором не существовало бы местного народного собрания или даже нескольких собраний (например, интересы «молодых» и «старых» могли представлять разные советы). Так обстояли дела даже в сирийской степи и на севере Месопотамии, где монархические традиции имели глубокие корни[464]. Тем не менее мы мало знаем о том, как функционировали эти собрания, кто в них входил и даже о том, где они проводились[465]. Возможно, древнегреческий наблюдатель охарактеризовал бы некоторые из них как демократические, другие — как олигархические, а третьи — как сочетающие в себе демократические, олигархические и монархические принципы. Но современные исследователи в основном могут лишь строить догадки.

Некоторые из наиболее явных свидетельств месопотамской демократии относятся к периоду между IX и VII веком до н. э. Такие ассирийские правители, как Синаххериб и Ашшурбанапал, с библейских времен славившиеся своей жестокостью и возводившие монументы, увековечивающие их кровавые расправы над мятежниками, зачастую давали практически полную автономию гражданским органам, коллективно принимавшим решения[466]. Мы знаем об этом потому, что наместники, которые управляли крупными городами юга Месопотамии, располагавшимися вдали от ассирийского двора, писали своим владыкам письма. Многие из этих писем были обнаружены археологами при раскопках царских архивов в древней столице империи, городе Ниневия. В этих письмах наместники городов сообщают ассирийскому двору о решениях, принятых гражданскими советами. Из

них мы узнаём о том, какой была «воля народа» по самым разным вопросам, начиная с внешней политики и заканчивая выборами городских наместников; кроме того, мы узнаём, что в некоторых случаях гражданские органы брали дело в свои руки, организуя подготовку воинов или поднимая налоги для финансирования городских проектов, а также настраивая наместников друг против друга.

Соседские объединения — кварталы (бабтум, от аккадского «ворота»){75} активно участвовали в местном самоуправлении и иногда, судя по всему, воспроизводили некоторые аспекты деревенского или племенного самоуправления в городских условиях[467]. По всей видимости, суды над убийцами, разводы и имущественные споры находились главным образом в ведении городских советов. Обнаруженные в Ниппуре тексты дают нам необычайно детальное представление об устройстве одного из таких собраний, выполнявшего роль суда присяжных в ходе разбирательства по делу об убийстве. В него входил один птицелов, один гончар, двое садовников и один солдат, несший службу в храме. Тринидадский интеллектуал Сирил Джеймс однажды сказал, что в Афинах в V веке «каждая кухарка могла управлять государством». Судя по всему, в Месопотамии, или, по крайней мере, в некоторых ее частях, всё именно так и было: занятие физическим трудом там не исключало прямого участия в законодательной и политической деятельности[468].

Совместное управление в городах Древней Месопотамии было организовано на нескольких уровнях, начиная с кварталов, состав которых иногда определялся по этническому или профессиональному принципу, до больших городских районов и города в целом. Интересы отдельных жителей могли быть представлены на любом из этих уровней, но, к сожалению, дошедшие до нас письменные свидетельства мало что сообщают о том, как система городского управления работала на практике. Историки связывают это с тем, что ключевую роль в управлении играли проводившиеся на различных уровнях собрания (на которых разбирались местные имущественные споры, дела о разводе и наследстве, обвинения в убийстве и так далее), действовавшие по большей части независимо от центральных органов власти. Следовательно, их решения не требовали письменного утверждения[469].

Археологи в целом согласны с историками, хотя тут резонно спросить, какие независимые от истории сведения археология может предоставить по вопросам, касающимся политической сферы. Один из ответов находится в городе Машкан-шапир, который около 2000 года до н. э. был важным центром царства Ларса. Как и в большинстве месопотамских городов, доминантой городского ландшафта Машкан-шапир был главный храм — в данном случае святилище Нергала, бога загробного мира, — который возвышался над остальным городом на платформе-зиккурате. Однако археологические раскопки в гавани, рядом с воротами города и в жилых районах продемонстрировали на удивление равномерное распределение богатства, ремесленных изделий и административных инструментов во всех пяти основных районах города. Он не имел явно выраженного торгового или политического центра[470]. Повседневные вопросы жители города (даже в условиях монархии) в основном решали самостоятельно — предположительно, как это было и до царей.

Всё могло быть и иначе. В некоторых случаях появление авторитарного правителя, пришедшего в город извне, переворачивало городскую жизнь с ног на голову. Так было с аморейской династией Лим — к которой принадлежали цари Яггид-Лим, Яхудум-Лим и

Зимри-Лим, покорившие значительную часть сирийского Евфрата примерно в то же время, когда далеко на юге переживал расцвет Машкан-шапир. Лимы решили разместить свой центр управления в древнем городе Мари (современный Телль-Харири на берегу сирийского Евфрата) и заняли правительственные сооружения, располагавшиеся в центре города. Судя по всему, это привело к массовому исходу жителей Мари, осевших в небольших городах или присоединившихся к живущим в палатках пастухам, рассредоточенным по всей сирийской степи. К 1761 году до н. э., когда Мари был разграблен вавилонским правителем Хаммурапи, последний «город» аморейского царства состоял главным образом из царской резиденции, гарема, прилегающих храмов и нескольких правительственных зданий[471].

Относящаяся к этому периоду переписка свидетельствует о натянутых отношениях между новоприбывшими монархиями и городскими собраниями, которые к тому моменту существовали уже давно. Письма, которые Терру — наместник города Уркеш (современный Телль-Мозан), древней столицы хурритов, — отправлял Зимри-Лиму, говорят о его бессилии перед лицом городских советов и собраний. В одном из писем Терру сообщает Зимри-Лиму: «Поскольку я подчиняюсь желаниям своего господина, жители моего города презирают меня, и два или три раза я едва избежал гибели от их рук». Царь Мари ответил на это: «Я не знал, что тебя презирают из-за того, что ты служишь мне. Ты принадлежишь мне, даже если город Уркеш принадлежит кому-то другому». Закончилось тем, что Терру признался, что ему пришлось спастись от общественного мнения жителей («рта Уркеша») и перебраться в другой город, расположенный неподалеку[472].

Судя по всему, жители месопотамских городов не особо нуждались в наместниках, которые бы ими управляли. Вместо этого они организовывались в автономные самоуправляемые единицы, которые в ответ на агрессивные действия со стороны правителя могли изгнать его или покинуть город. Всё это не дает окончательного ответа на вопрос «Как выглядело управление месопотамскими городами до того, как там установилась власть царей?» (хотя, безусловно, наводит на определенные размышления). Ответ на этот вопрос в несколько тревожащей степени зависит от находок, обнаруженных в одном-единственном месте: в городе Урук (современное название Эль-Уарка, библейское — Эрех), чья мифология более позднего периода стала источником вдохновения для Якобсена, когда он предложил идею «примитивной демократии»[473].

Раздел, в котором мы поговорим о том, как появилась (письменная) история, а возможно, и (устный) эпос, и объясним, при чем тут большие советы в городах и маленькие царства на холмах

В 3300 году до н. э. Урук имел площадь около двухсот гектаров и превосходил в этом отношении соседние города, расположенные на Юге Месопотамской низменности. Оценки численности населения Урука в этот период сильно разнятся: от двадцати до пятидесяти тысяч человек. Первые жилые кварталы впоследствии застраивались более поздними городскими поселениями, и это продолжалось до IV века до н. э., то есть до времен Александра Великого[474]. Урук около 3300 года до н. э. вполне мог быть местом изобретения клинописи, и мы можем судить о ранних стадиях ее развития по числовым таблицам и другим формам административной документации. В этот период письмо в основном использовалось в бухгалтерском учете в городских храмах[475]. Тысячи лет спустя в этих же храмах клинопись окончательно вышла из употребления — впрочем, к этому моменту на ней уже были записаны древнейшие в истории человечества литературные произведения и своды законов.

Что нам известно о том, как изначально выглядел Урук? К концу 4-го тысячелетия до н. э. он имел располагавшийся на возвышенности акрополь, значительную часть которого занимал огороженный район Эана, «Храм Небес», место поклонения богине Инанне. На вершине возвышенности располагались девять монументальных сооружений, от которых сейчас остались только фундаменты из привозного известняка, а также фрагменты лестничных пролетов и отдельные части колонных залов, украшенных цветной мозаикой. Должно быть, крыши этих огромных гражданских зданий были сделаны из экзотических пород дерева, привезенных на баржах по реке из сирийского «Кедрового леса», в котором происходит действие месопотамского «Эпоса о Гильгамеше».

С точки зрения истории городов Урук — это странное место. То, что нам известно о его планировке в древнейшие времена, делает его похожим на украинское мегапоселение наоборот: только ядро, никакой периферии. Нам практически ничего не известно о жилых районах, расположенных за пределами Эаны, поскольку первые археологи, работавшие в Уруке, не уделяли им внимания. Иначе говоря, мы имеем обрывочные сведения об общественном районе города, но ничего не знаем о его частном секторе, с которым мы могли бы его сопоставить. Но давайте всё же разберем, что нам известно.

Судя по всему, большинство правительственных зданий представляли собой гигантские залы для собраний, спланированные по образцу обычных жилых домов, но построенные так, словно это жилища богов[476]. В городе также был «Большой двор», состоящий из огромной «утопленной» площади длиной в 165 футов (около 50 метров), двух ярусов скамеек, окружающих площадь, и каналов, подававших воду для полива деревьев и садов, в тени которых можно было проводить собрания под открытым небом. Именно такую планировку — несколько величественных открытых храмов и пространство для общественных собраний — и ожидаешь увидеть в городе, которым управлял народный совет; и, как подчеркивал Якобсен, в «Эпосе о Гильгамеше» (действие которого начинается в Уруке додинастического периода) рассказывается о подобных собраниях, в том числе о таких, в которых могли принимать участие только молодые люди.

Проведем очевидную параллель: на афинской агоре во времена Перикла (в V веке до н. э.) тоже было множество общественных храмов, но народные собрания проходили на открытом пространстве, которое называлось Пникс и представляло собой невысокий холм с сидячими

местами для Совета пятисот, члены которого — они выбирались путем жеребьевки и постоянно менялись — ведали повседневными делами города (все остальные граждане должны были стоять). Собрания на Пниксе могли посещать от шести до двенадцати тысяч людей — свободные мужчины, составлявшие примерно двадцать процентов от всего населения города. Большой двор мог вместить гораздо больше людей, и хотя мы плохо представляем себе общую численность населения Урука, скажем, в 3500 году до н. э., сложно вообразить, чтобы оно хотя бы приблизительно равнялось населению Афин классического периода. Следовательно, можно предположить более широкое участие жителей в общих собраниях, что в свою очередь может означать, что женщины не были полностью исключены из общественной жизни и что в Древнем Уруке, в отличие от Афин более позднего периода, тридцать процентов населения не считались чужеземцами без права голоса, а еще до сорока процентов — рабами.

Всё это по большей части предположения, но ясно, что позднее ситуация начала меняться. Около 3200 года до н. э. общественные здания святилища Эаны были разрушены, и на этой священной территории были возведены закрытые дворы и зиккураты. Судя по имеющимся сведениям, около 2900 года до н. э. правители местных городов-государств вели между собой борьбу за господство над Уруком, в связи с чем по периметру города была возведена крепостная стена протяженностью в пять с половиной миль (почти девять километров; позднее ее возведение приписывалось Гильгамешу). В течение нескольких столетий правители города стали считать себя соседями богов и богинь, выстроив свои дворцы на пороге «Храма Небес» и нанеся свои имена на его священные стены[477].

Опять же отметим: если следы демократического самоуправления всегда несколько неоднозначны (разве можно было бы догадаться, что происходило в Афинах в V веке до н. э., если бы у нас в распоряжении были только археологические данные?), то следы монархического правления, когда они есть, всегда считаются безошибочно.

Чем Урук по-настоящему знаменит, так это письменностью. Это первый город, о котором у нас есть обширные записи, часть из них относится к периоду, предшествовавшему установлению царской власти. К сожалению, хотя мы можем прочесть эти источники, интерпретировать их крайне сложно.

Большинство из них представляют собой клинописные таблички, извлеченные из мусорных свалок, вырытых в основании акрополя. Эти источники освещают только очень ограниченную часть жизни города. В подавляющем большинстве случаев это бюрократические документы, фиксирующие передачу товаров и оказание услуг. Встречаются также «школьные учебники», представляющие собой списки знаков, которые ученики писцов копировали, чтобы усвоить стандартный административный лексикон того времени. Историческая ценность последнего источника неясна. Возможно, писцов учили самым разным клинописным знакам — они наносились на влажную глину тростниковым стилусом, — в том числе и тем, которые почти не использовались на практике. Подобные упражнения могли быть частью общего обучения грамоте[478].

Тем не менее сам факт существования учебного заведения для писцов, управляющих сложными отношениями между людьми, животными и вещами, демонстрирует, что в

огромных «домах богов» происходило нечто большее, чем просто ритуальные собрания. Существовали товары и отрасли, которые требовали управления, а также класс горожан, разработавших педагогические техники, которые быстро приобрели столь важное значение для данной формы городской жизни, что продолжают существовать и по сей день. Чтобы понять, насколько широкое распространение получили некоторые из этих инноваций, вспомним о том, что практически каждый, кто читает эти строки, вероятно, научился читать в школе, сидя в одном из нескольких рядов напротив учителя, который вел урок по стандартному учебному плану. Этот довольно суровый способ обучения был придуман шумерами, теперь же он распространен практически по всему миру[479].

Так что же нам известно об этих домах богов? Во-первых, во многих отношениях они больше напоминали фабрики, чем храмы. Даже самые древние из известных нам задействовали множество трудящихся. В них также располагались мастерские и запасы сырья. Некоторые аспекты организации шумерских храмов встречаются и по сей день, в том числе квантификация человеческого труда в стандартные меры нагрузки и единицы времени. Шумерские чиновники проводили подсчеты — в том числе дней, месяцев и лет, — используя шестидесятеричную систему исчисления, от которой происходит (многими и разными путями заимствований) и наша собственная система измерения времени[480]. В бухгалтерской документации шумеров мы находим древние истоки современного индустриального производства, финансовой системы и бюрократии.

Зачастую трудно установить, кто работал в этих храмах и даже к какой категории относились люди, жизнь которых была организована подобным образом, — люди, среди которых централизованно распределяли пайки и продукты труда которых были точно подсчитаны храмами. Имели ли они постоянную привязку к храму или были обычными горожанами, отработывавшими ежегодную трудовую повинность? Присутствие в списках детей наводит на мысль о том, что по крайней мере некоторые работники могли жить в храмах. Если так оно и было, то, наверное, это потому, что им больше некуда было идти. Если судить по шумерским храмам более позднего периода, то среди этих рабочих должны были встречаться представители всех групп городских нуждающихся: вдовы, сироты и другие горожане, оказавшиеся в уязвимом положении из-за долгов, преступлений, конфликтов, бедности, болезней или инвалидности. В храме они находили убежище и поддержку[481].

Пока же, однако, мы бы просто хотели обратить внимание на тот широкий спектр ремесел, которыми, судя по надписям на глиняных табличках, занимались в храмах. Там впервые в истории было развернуто крупномасштабное производство молочных продуктов и шерсти; пекли хлеб на закваске, варили пиво и делали вино. Кроме того, у работников были приспособления для производства стандартизированной упаковки. В административных записях упоминается около восьмидесяти видов рыбы — пресноводной и морской, а также производные от нее масла и другие продукты, хранившиеся на храмовых складах. Из этого мы можем сделать вывод, что основная экономическая функция этого храмового сектора заключалась в том, чтобы координировать труд в ключевые времена года и контролировать качество производимых товаров, которые отличались от тех, что производились в обычных домохозяйствах[482].

Такая работа, в отличие от обслуживания ирригационных дамб и строительства дорог и набережных, постоянно выполнялась под централизованным административным контролем. Иными словами, на ранних этапах развития месопотамских городов то, что мы бы отнесли к государственному сектору (общественные работы, международные отношения и так далее), в основном находилось в ведении районных или городских собраний, в то время как вертикальные бюрократические процедуры были ограничены тем, что мы назвали бы экономической или товарной сферой[483].

Конечно, у жителей Урука не было четкой концепции «экономики» — ее вовсе не существовало до относительно недавнего времени. С точки зрения шумеров, эти фабрики и мастерские были призваны обеспечить городских богов и богинь выдающимися домами, создать место, где они получали бы подношения в виде пищи, красивой одежды и заботы, что также предполагало служение их культу и организацию праздников в их честь. Последнее, вероятно, изображено на «урукской вазе», одном из немногих дошедших до нас образцов нарративного искусства этого древнего периода. На вазе вырезано несколько идентичных фигур обнаженных мужчин, шествующих за более крупной мужской фигурой к храму богини Инанны с урожаем, источником которого служили поля, сады и скот[484].

Не совсем ясно, что за крупный мужчина идет впереди — в литературе его иногда называют «урукским мужчиной». Согласно гораздо более поздней истории о Гильгамеше, действие которой происходит в Уруке, одному из лидеров юношеского собрания удалось стать лугалем, то есть царем. Но если что-то подобное и произошло, то это событие не оставило никаких следов в письменных источниках 4-го тысячелетия до н. э.: в списках административных должностей Урука, относящихся к этому времени, никакой лугаль не упоминается. (Этот термин появляется гораздо позже, около 2600 года до н. э., в то время, когда уже существовали дворцы и другие явные признаки царской власти.) Нет никаких причин полагать, что монархия — церемониальная или какая-либо иная — играла сколько-нибудь существенную роль в древнейших городах Южной Месопотамии. Скорее наоборот[485].

Однако очевидно, что древние надписи дают крайне ограниченное представление о жизни города. Мы кое-что знаем о массовом производстве шерстяных изделий и других товаров в храмах; мы также можем сделать вывод, что — тем или иным образом — эти шерстяные изделия и другие товары обменивались на дерево, металл и драгоценные камни, которые отсутствовали в долинах рек, но в изобилии добывались в окружающей их горной местности. Мы мало что знаем о том, как был организован этот обмен в древнейшие времена, но благодаря археологическим раскопкам нам известно, что Урук создавал колонии — уменьшенные версии себя — на множестве стратегических точек вдоль торговых путей. По всей видимости, колонии Урука были одновременно торговыми форпостами и религиозными центрами. На севере они простирались до Таврских гор, а на востоке — до Загросских гор в Иране[486].

«Урукская экспансия», как ее называют в археологической литературе, представляет собой загадку. Нет никаких свидетельств, указывающих на насильственное завоевание, никакого оружия или укреплений, но в то же время мы видим попытки трансформировать — фактически колонизировать — жизнь соседних народов, чтобы привить им новые привычки

городских жителей. В этом отношении эмиссары Урука действовали с почти миссионерским рвением. Они возводили храмы, в которых производились новые виды одежды, новые молочные продукты, вино и шерстяные изделия, распространявшиеся среди местного населения. Хотя эти продукты могли быть знакомы жителям, храмы привносили принцип стандартизации: городские храмы-фабрики выпускали продукты в унифицированной упаковке, а дома богов гарантировали чистоту и осуществляли контроль за качеством[487].

В каком-то смысле весь этот процесс был колониальным, и порою он встречал сопротивление. Судя по всему, невозможно понять развитие того, что мы называем «государством» — и прежде всего аристократий и монархий, — без учета более широкого контекста — реакции на эту экспансию.

Возможно, самый показательный в этом отношении пример — это город Арслантепе («Львиный холм») на равнине Малатья на востоке Турции. Примерно в то же время, когда Урук становился крупным городом, Арслантепе превращался в значимый региональный центр. Он располагается в том месте, где верхние притоки Евфрата образуют излучину в направлении горного хребта Аладаглар, богатого металлом и древесиной. Возможно, изначально это поселение было местом проведения сезонной ярмарки; с учетом того, что оно располагается на высоте 3300 футов над уровнем моря, в зимние месяцы его, скорее всего, заносило снегом. Даже на пике развития поселения его площадь не превышала пяти гектаров, а постоянное население — нескольких сотен человек. Однако на этих пяти гектарах археологи обнаружили свидетельства удивительной череды политических событий[488].

История Арслантепе начинается около 3300 года до н. э., когда в этом месте был построен храм. Он напоминал храмы Урука и его колоний. Там, как и в любом храме месопотамской долины, находились хранилища продуктов питания и аккуратно организованные архивы административных печатей. Но уже несколько поколений спустя храм разобрали и возвели на его месте массивное закрытое сооружение, где размещался большой зал для собраний, а также жилые и складские помещения (в том числе арсенал). Мечи и наконечники копий были искусно выполнены из мышьякосодержащей меди и не имели аналогов среди предметов, найденных в общественных зданиях того же периода на равнинной местности. Они свидетельствуют о том, что местные жители не только имели оружие, но и прославляли его: перед нами новая эстетика личного поединка и убийства. Археологи назвали это сооружение «самым древним из известных дворцов» в истории человечества.

Начиная с 3100 года до н. э. на холмистых землях современной восточной Турции, а затем и в других местах, расположенных на границах городской цивилизации, мы видим свидетельства подъема военной аристократии, вооруженной металлическими копьями и мечами и жившей в укрепленных поселениях и небольших дворцах. Бюрократии и след простыл. Вместо нее появляются не просто аристократические домохозяйства — напоминающие Медовый зал из «Беовульфа» или даже сооружения, возводившиеся в XIX веке на северо-западном побережье Тихого океана, — но также первые в истории захоронения людей, которых при жизни, очевидно, считали героями и отправляли на тот свет в сопровождении огромного количества металлического оружия, сокровищ, искусно выполненных тканей и посуды для питья[489].

Всё, что связано с этими захоронениями и их создателями, жившими на границе городской цивилизации, говорит об их экстравагантности. Они в большом количестве помещали в могилы изысканную еду, напитки и личные украшения. Судя по некоторым признакам, похороны могли превращаться в зрелищные соревнования, в ходе которых бесценные трофеи и реликвии раздавались или намеренно уничтожались. Иногда это сопровождалось погребением людей, очевидно принесенных в жертву во время похорон[490]. В отличие от ледникового периода, где мы видели могилы отдельных «принцев» и «принцесс», здесь нам встречаются целые кладбища с подобными захоронениями — например, кладбище в Башур-Хаюк, расположенном на пути к озеру Ван. В то же время в Арслантепе мы обнаруживаем ровно ту инфраструктуру (крепости, хранилища), которые ожидаешь увидеть в обществе, где доминирующее положение занимает воинская аристократия.

Здесь мы имеем дело с самым началом аристократического образа жизни, которому предстоит долгая история и который оставит сильный отпечаток на истории Евразии (мы уже затрагивали эту тему, когда говорили об описании скифов у Геродота и позднейших сообщениях Ибн Фадлана о «варварских» германских племенах, живущих на берегах Волги). Это самые ранние известные свидетельства появления того, что Гектор Манро Чедвик назвал «героическими обществами». Судя по всему, все эти общества возникли именно там, где и следовало ожидать их возникновения, если исходить из анализа Чедвика: на периферии управляемых бюрократией городов.

В 1920-е годы Чедвик — он был профессором кафедры англосаксонского языка в Кембридже примерно в то же время, когда Джон Толкин занимал аналогичную должность в Оксфорде, — пытался выяснить, почему все великие традиции эпической поэзии (к которым относятся скандинавские саги, произведения Гомера и «Рамаяна») были созданы людьми, которые контактировали с городскими цивилизациями и зачастую работали на них, но при этом отвергали ценности этих цивилизаций. Долгое время понятие «героических обществ» воспринималось с определенным скепсисом. Было широко распространено представление о том, что такие общества не существовали на самом деле, а были впоследствии сконструированы авторами эпических произведений, таких как «Илиада».

Но как недавно выяснили археологи, существует определенный паттерн героических захоронений, который свидетельствует о возникновении культуры, в которой большое значение придается пиршествам, возлияниям, а также красоте и славе мужчин-воинов[491]. Этот паттерн обнаруживается снова и снова на периферии городской цивилизации, зачастую в поразительно схожих формах на протяжении всего евразийского бронзового века. Если мы начнем выделять общие признаки «героических обществ», то обнаружим ровно те черты, которые содержатся в различных эпических традициях, которые сравнивал Чедвик (во всех регионах первые письменные версии эпосов относятся к гораздо более позднему периоду, чем сами героические захоронения, но тем не менее проливают свет на более древние обряды). Большинство таких черт мы обнаружим и в практикующих потлач обществах Северо-Западного побережья или у новозеландского народа маори.

Все эти культуры были аристократическими, не обладали централизованной властью и не знали принципа суверенитета (или он носил по большей части символический, формальный характер). Вместо одного-единственного центра мы видим множество героических фигур,

ожесточенно конкурирующих между собой за прислугу и рабов. «Политика» в таких обществах состояла из истории личной верности или мести между героическими личностями; более того, всё внимание в них сосредоточено на состязаниях, напоминающих игры и составляющих основную часть ритуальной и даже политической жизни[492]. Зачастую в ходе таких театральных представлений использовали, приносили в жертву или раздавали огромное количество трофеев и материальных ценностей. Более того, все подобные группы открыто выступали против характерных особенностей соседних городских цивилизаций, и прежде всего письменности, вместо которой они пользовались услугами поэтов и священников, которые заучивали истории наизусть и использовали сложные техники устного творчества. Они также отказывались от торговли — по крайней мере, внутри своих обществ. Поэтому такие группы, как правило, отвергали стандартизированную валюту — как в физической, так и в кредитной форме: они предпочитали уникальные трофеи.

Конечно, мы не можем рассчитывать на то, что нам удастся проследить эти разнообразные тенденции в те периоды, применительно к которым у нас нет никаких письменных источников. Но благодаря современной археологии, способной установить место возникновения такого рода «героических обществ», мы знаем, что в пространственном и культурном отношении они находились на периферии древнейших городских цивилизаций (более того, часть древнейших аристократических захоронений в горных районах Турции возникла прямо среди руин заброшенных урукских колоний)[493]. Аристократии, а возможно, и монархии возникли в качестве реакции на эгалитарные города месопотамских равнин — по отношению к которым те испытывали смешанные, но в конечном счете враждебные и кровожадные чувства: такие же, как вождь вестготов Аларих впоследствии испытывал к Риму и всему, что он собой воплощал, Чингисхан — к Самарканду или Мерву, а Тамерлан — к Дели.

Раздел, в котором мы выясняем, действительно ли в индской цивилизации касты появились раньше, чем институт царской власти

Перенесемся из эпохи урукской экспансии на тысячу лет вперед. Примерно в 2600 году до н. э. на берегах реки Инд, на территории современной пакистанской провинции Синд, на целинной земле был основан город — Мохенджо-Даро. Он продержался 700 лет[494]. Этот город считается наиболее ярким примером новой формы общественного устройства, которая в этот период расцвела в долине Инда; археологи называют ее «индской» или «хараппской» цивилизацией. Она стала первой городской культурой в истории Южной Азии. Здесь мы находим дополнительные свидетельства того, что города бронзового века — первые в истории крупные человеческие поселения, выстроенные по плану, — могли возникать в отсутствие правящих классов и управленческих элит. Но у городов долины Инда

есть свои уникальные особенности, о которых археологи спорят уже более ста лет[495]. Давайте поближе познакомимся и с самой проблемой, и с ее ключевым местом — городом Мохенджо-Даро.

При первом приближении кажется, что Мохенджо-Даро оправдывает репутацию лучше всего сохранившегося города бронзового века. Этот город поражает воображение. Он кажется абсолютно современным, на что обратили внимание археологи, проводившие первые раскопки в городе. Они уверенно распознали в районах города «деловые улицы», «полицейские казармы» и так далее (впоследствии, правда, выяснилось, что многие из этих интерпретаций — не более чем фантазии). Большую часть Мохенджо-Даро составляет нижний город, застроенный кирпичными домами. Улицы нижнего города пересекаются под прямым углом, там также имеются протяженные бульвары и сложные дренажные и санитарные системы (терракотовые канализационные трубы, частные и общественные туалеты; в городе также были повсеместно распространены ванные комнаты). Над этими на удивление комфортабельными районами возвышалась цитадель — гражданский центр города, также известный (по причинам, о которых мы скажем ниже) как курган «Большого бассейна». Обе части города располагались на массивной искусственной насыпи, возвышаясь над поймой реки, но цитадель также была окружена стеной из обожженных кирпичей стандартного размера, защищавшей ее от наводнений во время разливов Инда[496].

Во всей индской цивилизации есть только один город, сопоставимый с Мохенджо-Даро, — это Хараппа (отсюда и альтернативное название — «хараппская цивилизация»). Хараппа был примерно такого же размера, как Мохенджо-Даро, и располагался примерно в 370 милях выше по течению реки Рави, притока Инда. Существует множество других поселений, основанных в тот же период и относящихся к той же культуре: от крупных городов до деревень. Они раскинулись по большей части территории современного Пакистана, в том числе далеко за пределами долины Инда, на севере Индии. Например, среди соляных плато Большого Качского Ранна есть остров, на котором находятся внушительные руины Дхолавира. В этом городе было более 15 кирпичных резервуаров, в которые собиралась дождевая вода и стоки местных ручьев. Колониальные форпосты индской цивилизации доходили до реки Оксус на севере Афганистана, где расположено поселение Шортугай, представляющее собой миниатюрную копию городов породившей его культуры. Шортугай имеет идеальное расположение в том смысле, что рядом с ним находятся богатые минералами (лазурином, оловом и другими драгоценными камнями и металлами) горные районы Центральной Азии. Эти материалы высоко ценились ремесленниками с равнин и их торговыми партнерами в Иране, Аравии и Месопотамии. В Лотхале, расположенном на берегу Камбейского залива, находятся руины некогда благоустроенного портового города, выходящего к Аравийскому морю и предположительно построенного индскими инженерами для ведения морской торговли[497].

У индской цивилизации была собственная письменность, появившаяся и исчезнувшая вместе с ее городами. Ее пока не расшифровали. До нас дошли в основном короткие надписи, нанесенные при помощи клейма или высеченные на емкостях для хранения и медных инструментах. Кроме того, в нашем распоряжении также есть остатки уличного указателя из Дхолавира. Короткие надписи встречаются и на небольших каменных амулетах под

живописными виньетками или миниатюрными фигурками животных, вырезанными с поразительной точностью. В большинстве случаев на этих реалистичных рисунках изображены водяные буйволы, слоны, носороги, тигры и другая местная фауна, а также фантастические животные, чаще всего единороги. Ведутся споры о функции этих амулетов: возможно, их использовали в качестве удостоверения личности для прохода в закрытые кварталы и огороженные территории или для посещения торжественных мероприятий? Или они использовались в административных целях, в качестве опознавательного знака, наносившегося на товары, циркулировавшие между неизвестными сторонами: то есть это своего рода предшественник логотипов брендов из бронзового века? А может, они выполняли все эти функции одновременно[498]?

Помимо нерасшифрованной письменности, долины Инда, Хараппа и Мохенджо-Даро таят множество других секретов. Оба города были раскопаны в начале XX века, когда археологические раскопки велись с большим размахом и в них иногда одновременно участвовали тысячи рабочих. В результате быстрых и масштабных раскопок археологи получили представление о планировке улиц, жилых районах и целых районах для проведения ритуалов. Но такой подход в большинстве случаев не позволял проследить, как город менялся с течением времени, — изучение этого процесса требует более тонких методов. Например, первые археологи фиксировали, что фундаменты здания были построены из обожженного кирпича. Верхняя часть зданий возводилась из более мягкого глинобитного кирпича, который либо отсутствовал к тому моменту, либо был непреднамеренно уничтожен в ходе стремительных раскопок. Верхние этажи больших гражданских зданий были построены из качественной древесины, которая либо сгнила, либо еще в древние времена была демонтирована для повторного использования. Если посмотреть на план города, то это выглядит как единый этап градостроительства, но на самом деле это искусственная композиция, элементы которой относятся к различным периодам истории города — города, в котором люди жили на протяжении более чем пятисот лет[499].

В результате мы имеем множество открытых вопросов, к которым относится размер города и численность его населения (по недавним оценкам, она составляла до сорока тысяч человек, но в этом случае мы можем только строить догадки)[500]. Неясно даже, где проходили границы города. Некоторые ученые считают самым городом только участок общей площадью сто гектаров, на котором располагаются непосредственно видимые участки нижнего города и цитадели. Другие указывают на разрозненные свидетельства того, что город, возможно, был в три раза больше и включал в себя территории — придется назвать их «нижними городами», — уже давно поглощенные пойменными почвами: яркая иллюстрация сговора между природой и культурой, из-за которого мы часто вовсе забываем о существовании жителей этих лачуг.

Но именно последний момент указывает нам на более перспективные направления исследования. Несмотря на все затруднения, Мохенджо-Даро и его родственные города в Пенджабе дают нам некоторое представление о характере общественной жизни в древнейших городах Южной Азии и помогают ответить на более широкий вопрос, поставленный в начале этой главы: существует ли причинно-следственная связь между размером человеческих обществ и неравенством?

Давайте рассмотрим, что археология может сказать нам о распределении богатства в Мохенджо-Даро. Вопреки ожиданиям, материальные ресурсы не были сконцентрированы в верхней цитадели. Всё было ровно наоборот. Например, металлы, драгоценные камни и обработанные раковины находились в распоряжении жителей нижнего города; археологи извлекают их из тайников под полами домов во всех кварталах города[501]. То же касается и небольших терракотовых статуэток, изображающих людей с браслетами, диадемами и другими броскими украшениями. В верхней цитадели ничего подобного нет.

Письменность и стандартизированные меры длины и массы были также широко распространены в нижнем городе. То же касается и свидетельств ремесленного производства: от металлообработки и гончарного дела до изготовления бус. Эти ремесла процветали в нижнем городе, но ими не занимались в верхней цитадели, где находились основные гражданские здания[502]. В самых высотных кварталах города, по всей видимости, практически не встречались предметы, предназначенные для личного демонстративного использования. Вместо этого верхняя цитадель выделяется своими общественными сооружениями вроде «Большого бассейна» — огромного «утопленного» бассейна длиной примерно 40 футов и глубиной более шести футов, облицованного аккуратно выложенным кирпичом и загерметизированного штукатуркой и битумом. Попасты в него можно было по деревянным ступеням, расположенным с двух сторон бассейна. Это сооружение было возведено по самым высоким архитектурным стандартам, но при этом рядом с ним нет памятников правителям и других признаков восхваления какого-то отдельного человека.

Из-за отсутствия царских изваяний и других форм монументальных изображений долину Инда называют «безликой цивилизацией»[503]. Судя по всему, гражданская жизнь Мохенджо-Даро была сосредоточена не вокруг дворца или кенотафа, а вокруг общественной инфраструктуры для очищения тела. Кирпичные полы и платформы для купания присутствовали практически во всех жилищах нижнего города. По всей видимости, жители города имели очень специфическое представление о чистоте, а ежедневные омовения составляли часть их домашней рутины. С одной стороны, «Большой бассейн» был увеличенной версией домашних ванн. С другой стороны, жизнь в Цитадели как будто отрицала жизнь Нижнего города.

За всё время использования «Большого бассейна» (то есть за несколько столетий) мы не находим никаких свидетельств, что поблизости занимались какими-либо ремеслами. Из-за узких дорог в акрополе здесь нельзя было использовать запряженные быками телеги и другие торговые транспортные средства. Общественная жизнь и труд здесь были сосредоточены вокруг самого бассейна и акта омовения. В прилегающих к бассейну бараках и складах размещался обслуживающий персонал (мы не знаем, работал ли он на постоянной основе или посменно) и все необходимые принадлежности. Верхняя цитадель была особого рода «городом внутри города», где привычные принципы организации домохозяйства переворачивались с ног на голову[504].

Всё это напоминает кастовую систему, в которой у каждой касты были свои социальные функции в зависимости от положения в иерархии, а само это положение зависело от степени чистоты[505]. Но древнейшее письменное упоминание каст в Южной Азии мы

встречаем только в «Ригведе» — собрании религиозных гимнов, созданном около 1200 года до н. э., то есть примерно тысячу лет спустя. Кастовая система, описанная в позднейшем санскритском эпосе, включала в себя четыре сословия или варны: жрецы (брахманы), воины и знать (кшатрии), земледельцы и торговцы (вайшьи) и рабочие (шудры); были и те, кто занимал настолько низкое положение, что не входил ни в одну варну. В верхнюю касту входили люди, которые удалились от мира и достигли высокого духовного уровня благодаря отказу от улучшения своего личного статуса. Как бы активно ни развивалась торговля и ремесло и какой бы ожесточенной ни была конкуренция за статус, с точки зрения общего мироустройства богатство, власть и процветание, за которые шла борьба, всегда считались менее значимыми ценностями, чем чистота жреческой касты.

Система варн — это одна из самых «неравных» социальных систем. При этом положение в ней в меньшей степени зависит от обладания материальными ресурсами и в большей — от отношений с определенными (загрязняющими) веществами (грязью, мусором и телесными веществами, связанными с рождением, смертью и менструацией) и переносящими их людьми. Всё это создает серьезные проблемы для современных исследователей, которые пытаются применить к таким обществам коэффициент Джини или какой-либо другой показатель «неравенства», основанный на собственности. С другой стороны, несмотря на огромный временной разрыв между рассматриваемыми источниками, кастовая система помогает понять некоторые загадочные особенности Мохенджо-Даро — вроде того факта, что жилые строения, больше всего напоминающие дворцы, расположены не в верхней цитадели, а теснятся на улицах нижнего города — чуть ближе к грязи, канализационным трубам и рисовым полям, то есть в тех местах, где такая борьба за мирской статус, по-видимому, была более уместной[506].

Очевидно, мы не можем без разбору проецировать все составляющие социального мира, описанного в санскритской литературе, на существовавшую в более ранний период цивилизацию долины Инда. Если первые города Южной Азии действительно были организованы в соответствии с кастовыми принципами, то эта система должна была сильно отличаться от той, что спустя более чем тысячу лет была описана в текстах на санскрите: в этой системе второе (после брахманов) место сверху занимает каста кшатриев. Нет никаких свидетельств того, что в бронзовом веке в долине Инда существовало нечто наподобие класса знатных воинов кшатриев или что кто-либо вел себя так высокомерно, как представители этой касты, описанные в более поздних эпических произведениях вроде «Махабхараты» или «Рамаяны». Даже в крупнейших городах вроде Хараппы или Мохенджо-Даро не было обнаружено никаких следов масштабных жертвоприношений или пиршеств; никаких рисунков, изображающих доблестных воинов или прославляющих знаменитые деяния; никаких признаков соревнований, в которых состязались бы за титулы и сокровища; никаких аристократических захоронений. Если бы в городах долины Инда что-то такое происходило, то мы бы обязательно об этом узнали.

Индская цивилизация не была торговой или духовной аркадией; кроме того, это общество нельзя было назвать абсолютно миролюбивым[507]. Но также нет никаких свидетельств того, что в нем присутствовали харизматические авторитеты: военачальники, законодатели и так далее. В качестве такого свидетельства часто рассматривают найденную в Мохенджо-Даро небольшую скульптуру человека в накидке, вылепленную из желтого известняка, — в

литературе она известна как скульптура «жреца-царя». Но на самом деле нет никаких особых оснований полагать, что это изображение жреца-царя или какого-либо другого обличенного властью человека. Это просто известняковая скульптура бородатого горожанина бронзового века. Тот факт, что предыдущие поколения исследователей настаивали на том, что это именно «жрец-царь», больше говорит о том, как они сами представляют себе жизнь древнейших городов Азии, нежели о том, как нам следует интерпретировать эту скульптуру.

С течением времени большинство экспертов согласилось: нет никаких свидетельств того, что в городской цивилизации долины Инда были жрецы-цари, военная аристократия или то, что мы понимаем под «государством». Можем ли мы в таком случае говорить о том, что в этой цивилизации были «эгалитарные города», и если да, то в каком смысле? Если в верхней цитадели Мохенджо-Даро действительно царил своего рода аскетический орден (который буквально находился «выше» всех остальных), а в прилегающих к цитадели районах жили в основном богатые торговцы, то это значит, что между группами существовала четкая иерархия. Но это необязательно означает, что сами эти группы были иерархическими по своей внутренней организации или что при решении повседневных управленческих вопросов аскеты и торговцы играли более важную роль, чем остальные жители города.

Здесь вы можете возразить нам: «Да, технически это может быть правдой, но давайте будем честны: какова вероятность того, что их общество не было иерархическим или что более чистые или более обеспеченные группы населения не играли более важную роль в управлении городом?» На самом деле, большинству из нас даже тяжело себе представить, как могло бы функционировать крупное эгалитарное сообщество. Но это опять же говорит о том, что мы по умолчанию придерживаемся эволюционистского нарратива, который гласит: если складывается достаточно крупное сообщество людей, то в нем по неизвестной причине естественным образом устанавливается авторитарное правление (и, следовательно, такое явление, как «демократия», появляется лишь гораздо позже, представляя собой концептуальный прорыв, и, по всей видимости, это происходит только один раз в истории — в Древней Греции).

Ученые, как правило, требуют четких и неопровержимых доказательств существования демократических институтов в далеком прошлом. Поразительно, что они не предъявляют столь же строгие требования к доказательствам существования вертикальных структур власти. Обычно считается, что они возникают по умолчанию; если нет доказательства обратного, то, значит, мы можем говорить о существовании подобных структур[508]. Можно долго рассуждать о том, откуда взялась эта мыслительная привычка, но всё это не поможет нам ответить на вопрос о том, управлялись ли древнейшие города долины Инда в соответствии с эгалитарными принципами, которые существовали параллельно аскетическим социальным порядкам. Чтобы исправить этот перекосяк в интерпретации политической жизни в древности, мы предлагаем посмотреть, происходили ли подобные вещи в более поздние и лучше задокументированные периоды истории Южной Азии.

Подобные примеры найти несложно. Рассмотрим социальную среду, в которой возникли буддистские монастыри, или сангхи. Изначально словом «сангха» называли народные собрания, управлявшие многими городами Южной Азии во времена Будды (примерно в V

веке до н. э.). В ранних буддистских текстах утверждается, что Будда и сам вдохновлялся примером этих республик, обращая особое внимание на то, какое значение они придавали частому созыву общественных собраний, на которых должны были присутствовать все члены сообщества. Первые буддистские сангхи неукоснительно требовали, чтобы все монахи собирались вместе для единогласного принятия решений по вопросам, представляющим общий интерес. К голосованию прибегали только в том случае, когда не удавалось достичь консенсуса[509]. Сангхи и по сей день придерживаются этого принципа. На протяжении истории между буддистскими монастырями появились сильные различия в способах управления — многие из них на практике были крайне иерархичными. Но важно то, что даже две тысячи лет назад для членов аскетических орденов не было ничего необычного в том, чтобы принимать решения примерно тем же образом, каким их сегодня принимают, скажем, антиавторитарные активисты в Европе или Латинской Америке (путем поиска консенсуса; если же это не удастся, то большинством голосов); что эти формы управления были основаны на идеале равенства; и что подобным образом управлялись целые города[510].

Мы можем пойти еще дальше и спросить: известны ли какие-либо примеры обществ, где существовала бы формальная иерархия каст, но практическое управление тем не менее осуществлялось бы по эгалитарным принципам? Это может показаться парадоксальным, но ответ снова будет «да»: есть множество свидетельств, подтверждающих существование таких форм социальной организации, некоторые из которых дошли до наших дней. Возможно, лучше всего задокументированный пример — это система сека на острове Бали, жители которого приняли индуизм в Средние века. Балийское общество не просто разделено на касты, оно пронизано иерархиями — не только каждая группа, но и каждый отдельный человек знает (или, по крайней мере, должен знать) свое место относительно всех остальных членов общества. Получается, что в балийском обществе в принципе нет равных, и большинство балийцев скажут вам, что в высшей космической схеме вещей так оно и должно быть.

Однако в то же время решение таких практических вопросов, как управление общинами, храмами и сельским хозяйством организовано в соответствии с системой сека, согласно которой все должны принимать участие в обсуждении на равных правах и принимать решения на основе консенсуса. Например, если районный совет собирается для того, чтобы обсудить починку крыш общественных зданий или решить, какая еда будет подаваться во время предстоящего соревнования по танцам, то те, кто считают себя слишком важными, могут отказаться от посещения собрания, оскорбившись от самой мысли, что им предстоит сидеть на земле в кругу своих менее знатных соседей. Однако в этом случае им придется заплатить штраф за пропуск собрания, который пойдет на оплату еды для праздника или починки крыш[511]. Мы не можем сказать, действительно ли такая система преобладала в долине Инда более четырех тысяч лет назад. Мы привели этот пример лишь для того, чтобы подчеркнуть, что нет никакой обязательной взаимосвязи между всеобъемлющими концепциями социальной иерархии и практическими механизмами местного управления.

То же касается королевств и империй. Одна очень распространенная теория гласит, что они, как правило, раньше всего появляются в долинах рек, поскольку там необходимо обслуживать сложные ирригационные сооружения, что в свою очередь требует

административной координации и контроля. В этом отношении Бали снова предоставляет нам хороший пример противоположного. Большую часть своей истории Бали был разделен на несколько королевств, которые бесконечно конфликтовали. При этом Бали знаменит тем, что этот довольно небольшой вулканический остров имеет один из самых высоких в мире показателей плотности населения, что стало возможным благодаря сложной системе ирригационного рисоводства. Сами королевства, по всей видимости, не принимали никакого участия в управлении ирригационной системой. Оно осуществлялось при помощи целого ряда «водных храмов», которые распределяли водные ресурсы путем еще более сложной системы принятия решений на основе консенсуса и в соответствии с эгалитарными принципами. Этим занимались сами земледельцы[512].

Раздел, в котором мы поговорим о наглядном примере «городской революции» в доисторическом Китае

Выше в этой главе мы говорили о том, что произошло в трех регионах Евразии после появления там первых городов. Мы отметили, что во всех трех регионах отсутствовали монархи и нет свидетельств существования воинской элиты. Поэтому с большой вероятностью там развивались институты общественного самоуправления. Эти три региональные традиции хоть и совпадали в основных параметрах, но всё же сильно отличались друг от друга. Лучшая тому иллюстрация — это различия между экспансией Урука и украинских мегапоселений. В обоих случаях сформировался явно выраженный эгалитарный этос, который, однако, принял совершенно разные формы.

Суть этих различий можно сформулировать на чисто формальном уровне. Принцип эгалитаризма, о какой эпохе мы бы ни говорили, может принять одну из двух диаметрально противоположных форм. Мы можем настаивать на том, что все люди абсолютно равны или должны быть абсолютно равны (по крайней мере в тех аспектах, которые мы считаем важными); или, наоборот, мы можем настаивать на том, что все люди настолько различаются между собой, что просто не существует критерия для их сравнения между собой (например, можно утверждать, что все мы уникальные личности, — следовательно, ни при каком раскладе нельзя сказать, что кто-то из нас лучше других). В реальности эгалитаризм, как правило, берет понемногу от обоих этих подходов.

И всё же можно утверждать, что Месопотамия — где домохозяйства производили стандартизированную продукцию, храмовые работники получали одинаковое жалованье, а горожане участвовали в собраниях — была ближе к первому варианту. Украинские мегапоселения, где у каждого домохозяйства, по всей видимости, был свой уникальный художественный стиль и, возможно, своеобразные домашние ритуалы, — ко второму[513]. Долина Инда — если наша трактовка в целом верна — воплощает собой третий вариант, где строгое равенство в одних сферах (даже кирпичи были строго одинакового размера) было сопряжено с существованием явной иерархии в других.

Важно подчеркнуть: мы не утверждаем, что первые города, в каком бы регионе мира они ни появились, обязательно опирались на эгалитарные принципы (в скором времени мы увидим отличный контрпример). Мы лишь утверждаем, что находки археологов демонстрируют на удивление похожий паттерн, который противоречит традиционным эволюционистским представлениям о том, как увеличение численности населения влияет на человеческие общества. В каждом из рассмотренных случаев — украинских мегапоселений, месопотамского Урука и долины Инда — резкое увеличение масштабов поселения не привело к концентрации богатства и власти в руках правящей элиты. Короче говоря, благодаря археологическим исследованиям бремя доказательства теперь лежит на теоретиках, которые утверждают, что зарождение городов и возникновение авторитарных государств связаны между собой. Их заявления выглядят всё более безосновательными.

Примеры, которые мы рассматривали до этого, — это отдельные кадры из жизни городов, в которых люди жили на протяжении столетий. Маловероятно, что в их истории не было потрясений, трансформаций и конституционных кризисов. В некоторых случаях мы видим, что они точно происходили. Например, мы знаем, что примерно за двести лет до гибели Мохенджо-Даро «Большой бассейн» уже пришел в упадок. Производственные объекты и жилые дома стали возводиться за пределами нижнего города — в верхней цитадели и даже на территории самого бассейна. В самом нижнем городе появились здания, по своим размерам напоминающие дворцы, к которым в свою очередь прилегали ремесленные мастерские[514]. Этот «другой» Мохенджо-Даро существовал на протяжении нескольких поколений и стал результатом осознанного проекта по трансформации существующей иерархической системы (возраст которой к тому времени насчитывал несколько столетий) во что-то иное, но археологам только предстоит выяснить, во что именно.

Города долины Инда, так же как украинские города, в конце концов были полностью покинуты своими обитателями. На их место пришли гораздо менее крупные общества, в которых господствовала героическая аристократия. В месопотамских городах тоже со временем появились дворцы. В целом вполне понятно, почему некоторые люди считают, что историческое развитие движется в сторону авторитарного правления. В долгосрочной перспективе так оно и было — по крайней мере, после появления письменной истории мы видим, как почти повсеместно возникают лорды, короли и императоры с претензиями на мировое господство (при этом гражданские институты и независимые города никогда в полной мере не исчезают)[515]. Однако не стоит торопиться с выводами. Иногда движение происходило в полностью противоположном направлении — например, так дело обстояло в Китае.

Археологи обнаружили огромный временной зазор между возникновением первых китайских городов и появлением древнейшей известной династии Шан. С того момента, как в начале XX века в Аньяне в провинции Хэнань, расположенной к северу от центра страны, были обнаружены гадательные кости с надписями, политическая история Китая отсчитывалась от правителей династии Шан, которые пришли к власти около 1200 года до н. э.[516]. Вплоть до недавнего времени считалось, что цивилизация Шан представляет собой сплав элементов древних городских культур («эрлиган» и «эрлитоу») и аристократических или «кочевнических» культур. Последние принесли с собой методы литья бронзы, новые виды вооружений и запряженные лошадьми колесницы, которые

изначально возникли в азиатской степи — степи, в которой возникли могущественные и очень подвижные общества, сыгравшие значительную роль в последующей истории Китая[517].

Предполагалось, что до появления династии Шан ничего особо интересного в Китае не происходило. Всего несколько десятилетий назад в учебниках по истории Древнего Китая рассказывалось о многочисленных «неолитических» культурах, уходящих корнями в далекое прошлое. Эти культуры рассматривались с точки зрения технических приспособлений, которые они использовали в сельском хозяйстве, а также стилистических особенностей региональных традиций гончарного искусства и оформления ритуальных предметов. Предполагалось, что они были примерно такими же, как и неолитические земледельцы в других частях света: что они жили в деревнях, что в их обществе существовали зачатки социального неравенства и что они готовились к резкому скачку, который должен был привести к появлению городов, а затем первых династических государств и империй. Но теперь мы знаем, что на самом деле всё было иначе.

Сейчас китайские археологи говорят о «позднем неолитическом» или «луншаньском» периоде, в который появилось то, что можно без оговорок назвать городами. Мы видим, что уже к 2600 году до н. э. по всей долине Хуанхэ, от прибрежных районов Шаньдуна до гор на юге Шаньси, стали возникать поселения, окруженные стенами из утрамбованной земли. Они варьировались от крупных центров площадью более чем 300 гектаров до крохотных поселений, по размеру не сильно больше деревни, но тоже укрепленных[518]. Крупные центры расселения находились вдали от них, в низовьях реки Хуанхэ на востоке; к западу от Хэнаня, в долине реки Фынхэ в провинции Шаньси; на юге Цзянсу и на севере Чжэцзян, где располагались поселения культуры Лянчжу[519].

В крупнейших неолитических городах часто находят кладбища, где в каждой могиле погребены десятки или даже сотни резных ритуальных предметов из нефрита. Это могут быть знаки отличия или своего рода ритуальная валюта: в ходе ритуалов почитания предков подобные предметы складывались и комбинировались (часто в огромном количестве), что позволяло расположить живых и мертвых на общей шкале ценности в зависимости от их статуса. Включение этих находок в анналы письменной истории Китая оказалось сложной задачей, поскольку речь шла о долгой и, по-видимому, бурной эпохе, которой просто не должно было существовать[520].

Проблема не только во времени, но и в месте. Удивительно, что один из самых впечатляющих «неолитических» прыжков к городской жизни был обнаружен далеко на севере, на границе с Монголией. Китайские империи позднейшего периода (и описывающие их историки) воспринимали эти регионы как «полукочевые» и «полуварварские», и в итоге они оказались по ту сторону Великой китайской стены. Никто не ожидал, что археологи обнаружат там город возрастом четыре тысячи лет, простирающийся более чем на 400 гектаров, с дворцами и ступенчатой пирамидой и окруженный большой каменной стеной. Этот город управлял подчиненными ему сельскими районами примерно за тысячу лет до того, как появилась династия Шан.

Археологи выяснили это в ходе раскопок города Шимао на реке Тувей. Они также обнаружили многочисленные свидетельства того, что около 2000 года до н. э. местные жители занимались сложными ремеслами (в том числе обрабатывали кости и отливали медь) и вели войны, на что указывают массовые убийства и захоронения пленников[521]. Мы видим, что политическая жизнь там была гораздо более оживленной, чем изображается в сочинениях придворных летописцев, созданных позднее. У нее была и мрачная сторона: захваченных в плен врагов обезглавливали, а передававшиеся по наследству нефритовые топоры и скипетры тысячами погребались в щелях между огромными каменными блоками, из которых состояла городская стена. Они находились вдали от чужих глаз до тех пор, пока четыре тысячи лет спустя их не извлекли на свет любопытные археологи. Вероятнее всего, это делалось с целью уничтожить и деморализовать враждебные династии, а также подорвать их легитимность («в общем-то, ты — всего лишь очередной нефритовый топор в стене»).

В поселении Таоси — которое существовало в одно время с Шимао, но было расположено сильно южнее, в бассейне реки Цзиньнань, — мы видим совершенно иную картину. Между 2300 и 1800 годом до н. э. Таоси прошел через три этапа расширения. Сначала на руинах деревни возникло укрепленное поселение площадью 60 гектаров, которое впоследствии превратилось в город площадью 300 гектаров. Есть свидетельства того, что на раннем и среднем этапе в Таоси была почти такая же строгая социальная стратификация, как и в Шимао или в столице Китайской империи в более поздний период. Город был обнесен массивной стеной и имел дорожные системы и крупные охраняемые хранилища ресурсов. В Таоси была строгая сегрегация между кварталами для простолюдинов и кварталами для элиты, а мастерские ремесленников и монумент, выполняющий функции календаря, находились рядом с сооружением, напоминающим дворец.

На древнем городском кладбище Таоси явно прослеживается деление на социальные классы. Захоронения простолюдинов отличаются скромностью, в то время как в могилах представителей элиты были обнаружены сотни лакированных сосудов, ритуальных нефритовых топоров и остатки роскошных пиршеств со свининой. Но около 2000 года до н. э. всё неожиданно изменилось. Вот как это описывает один из археологов:

“Городская стена была разрушена до основания и... первоначальное функциональное деление было уничтожено, что привело к исчезновению пространственного регулирования. Простолюдины теперь жили почти по всему городу, в том числе за пределами территории, очерченной городскими стенами среднего периода. Площадь города еще сильнее увеличилась, достигнув в общей сложности 300 гектаров. Кроме того, ритуальный район на юге пришел в запустение. На территории бывшего дворца был возведен низкокачественный фундамент из утрамбованной земли площадью около 2000 квадратных метров. Он был окружен мусорными ямами, которые использовали люди низкого социального положения. Мастерские по изготовлению орудий из камня начали работать на территории того, что раньше было элитным жилым районом, расположенным ниже. Город явно лишился своего столичного статуса и погрузился в состояние анархии[522].

Более того, некоторые признаки указывают на то, что жители целенаправленно запустили процесс трансформации города, которая, скорее всего, протекала в том числе и насильственным путем. На элитном кладбище появились могилы простолюдинов, а в районе дворца — массовое захоронение трупов со следами пыток и надругательств: судя по всему, это свидетельство того, что археолог назвал «актом политического возмездия»[523].

Конечно, было бы дурным тоном ставить под сомнение выводы археолога, непосредственно работавшего в Таоси, но мы всё же позволим себе сделать несколько замечаний. Во-первых, «состояние анархии» (в других местах он говорит о «коллапсе и хаосе»)[524] продолжалось довольно долго, двести-триста лет. Во-вторых, за этот период площадь Таоси выросла с 280 до 300 гектаров. Больше похоже не на коллапс, а на эпоху всеобщего процветания, последовавшую за ликвидацией жесткой классовой системы. Это говорит о том, что после разрушения дворца местные жители не скатились в гоббсианскую войну «всех против всех», а просто продолжили жить своей жизнью — вероятно, они обратились к системе местного самоуправления, которая казалась им более справедливой.

Возможно, что на берегах реки Фыньхэ мы видим свидетельства первой задокументированной социальной революции в истории человечества — или, по крайней мере, первой революции, произошедшей в городских условиях. Конечно, возможны и другие интерпретации. Но пример Таоси как минимум побуждает нас к тому, чтобы подумать о древнейших городах мира как о местах сознательных социальных экспериментов, в которых сталкивались различные точки зрения на то, каким должен быть город, — иногда столкновение проходило мирно, а иногда выливалось во вспышки необычайной жестокости. Увеличение числа жителей могло значительно расширить диапазон социальных возможностей, но оно никогда напрямую не предопределяло, какие из этих возможностей будут реализованы на практике.

Как мы увидим в следующей главе, история Центральной Мексики показывает, что, вполне возможно, такого рода революции — политические революции в городах — происходили в истории человечества гораздо чаще, чем мы привыкли думать. Опять же, нам, возможно, никогда не удастся в полной мере реконструировать неписанные конституции древнейших городов, возникших в разных частях света, или реформы, которые проводились в первые века их существования, но мы больше не можем сомневаться в том, что все эти вещи на самом деле происходили.

Версия #1

Зверобой создал 8 февраля 2026 00:51:30

Зверобой обновил 8 февраля 2026 00:56:09